

*Городу Тайшету и грузьям моего
раннего детства посвящается...*

Сергей КУЗИЧКИН

ДОМ НА ШЛАКОБЛОЧНОЙ

Из цикла рассказов
«Звонки из детства»

Рассказы для детей и взрослых

Нет ничего лучше, чем хорошие
воспоминания, вынесенные
из детства.

*Фёдор Михайлович Достоевский,
русский писатель*

Красноярск 2022

ББК 84Р (2РОС = РУС)
К89

Библиотека «Нового Енисейского литератора»

Корректурa и вёрстка: *Андрей Леонтьев*
Рисунок на лицевой стороне обложки: *Анатолий Грешилов*
Рисунок на 4-й стр. обложки: *Мария Снегирёва*
Рисунки в книге: *Анатолий Грешилов и Мария Снегирёва*

Кузичкин С. Н.

К89 Дом на Шлакоблочной : Рассказы для детей и взрослых. — Красноярск : Город, 2022. — 148 с.

ISBN 978-5-6048010-0-0

Эта книга — воспоминания автора о своём детстве, о родном городе Тайшете середины 60-х годов XX века. Автор приглашает нас в путешествие во времени, и, читая страницы его воспоминаний, многие читатели в его героях, без сомнения, будут узнавать себя.

ББК 84Р (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-6048010-0-0

© Кузичкин С. Н., 2022

© Богатырёва Ш. А., вступительная статья, 2022

Родное слово Сергея Кузичкина

Книга Сергея Кузичкина «Дом на Шлакоблочной» стала для меня неожиданным путешествием в собственное прошлое. И в этом заключается основной парадокс. Автор рассказывает о своём детстве в сибирском городке Тайшет. Ключевое слово — сибирский. Поясню.

Я выросла на другом конце огромной страны, в совершенно другой языковой, бытовой, социальной, ментальной и даже кулинарной культуре. Природа, климат, ландшафт — всё другое.

Так почему личные воспоминания автора нашли в моём сердце такой гулкой отклик, такой глубокий резонанс и мгновенную узнаваемость, словно писатель описывал моё детство?

Вы знаете, я открыла гугл-карту Тайшета и пошла по его улицам. Вроде всё другое — но такое узнаваемое, близкое, моё. Где-то я уже это видела, когда-то этим жила... Тысячи людей скажут то же самое.

А всё дело в том, что Сергей Кузичкин — абсолютный мастер слова. Простого, ёмкого, доступного, невычурного, прозрачного, иллюстративного настолько, что после каждой страницы воскресают запахи и вкусы детства, меняется черед картин и панорам, казалось, навеки скрытых пластами времени, оживают родные лица и заново проживается давняя эмоция...

«Хорошо помню, как была обустроена наша квартира и как располагались вещи в ней».

«Много бы я отдал за то, чтобы сейчас вот так приготовить её (картошечку) на открытой чугунной плите простой кирпичной печи».

И я помню дом детства — даже два — моих бабушек, и я бы многое отдала за то, чтобы... Но почему за словами автора мне рисуется высокогорный аул у подножья Эльбруса и я вижу родные лица?

И вот тут — вторая очевидность: Сергей Кузичкин не просто талантливый писатель, он — тонкий художник. Если перевести на язык живописи его стиль, то он из тех избранных, кто реалистично, задушевно, правдиво и во всех оттенках передаёт эпоху, частицами которой мы все являемся. А память — она у каждого своя.

При всём своём реализме Сергей Кузичкин — лирик с очень релевантной философией. Его стиль построен на принципе простоты — одном из важнейших принципов в литературе — и при этом абсолютной индивидуальности. Сергей Кузичкин не раскрашивает слова, не выстраивает сложные вербальные конструкции, не стремится к патетике в своём личном ностальгическом и немного грустном путешествии в прошлое.

И в этой грусти — особая сила и мастерство писателя, который сумел собственные воспоминания сделать общими, знакомыми, родными. А в простоте его слога — великое искусство виртуоза, который играет на одной струне. Сергей Кузичкин, маститый писатель, поэт, журналист, безупречно владея всеми литературными художественными приёмами, ясными и понятными фразами передаёт сложную палитру чувств и эмоций.

И вроде для себя играет Сергей Кузичкин на своей бесхитростной струне — а при этом вызывает трепет в душе каждого, кто проник в пространство его искусства.

И здесь мы открываем ещё один дар писателя — мастера вербальной музыки. Не только переливается красками, но и обрастает дивной мелодией его лёгкое, чистое, безыскусное и нужное слово.

Это слово — родное. Из букваря, из первых книжек, радиосказок и пластинок. Этим словом мы познавали большой мир — а сегодня оно как никогда вписывается в парадигму нашей жизни.

И современники, и грядущие поколения, открывая книгу «Дом на Шлакоблочной», будут узнавать прежде всего себя. И раз за разом будут совершать паломничество в дорогое сердцу прошлое по путеводным маякам родного слова, которым так умело указывает дорогу к нашей памяти русский писатель Сергей Кузичкин.

*Шахриза БОГАТЫРЁВА,
поэтесса, журналист, переводчик,
литературный критик, выпускница
Высших литературных курсов
Литературного института
им. А. М. Горького,
Карачаево-Черкесия*

Рисунок Марии Снегирёвой

Здесь каждый дом найдём,
Хоть глаза завяжи.
Где-то за тем углом
Детство вдаль бежит.

*Песня из к/ф «Последние каникулы»
(муз. Павла Аедоницкого, ст. Игоря Шаферана)*

ЗВОНКИ ИЗ ДЕТСТВА

Торопясь, а кто и в спешке, мы покинули однажды страну Детства, не заметив, когда и как пересекли невидимую границу, и, уже отбежав или отойдя на приличное расстояние, вдруг поняли, что забыли там, не взяли с собой что-то очень важное и нужное: то ли волшебную палочку, то ли ковёр-самолёт, то ли клубок, разматывающаяся нить которого укажет нам безошибочный жизненный путь.

И оборачиваемся мы порой назад и ищем дорожку-тропинку, по которой можно было бы хоть ненадолго, хоть на часок или даже на минутку, вернуться в детство. Но «в детство нить оборвалась»... и только память порой связывает нас с детскими годами нашими и заставляет кого задуматься, а кого умилиться над тем или иным эпизодом из детства.

Хотим мы или нет, а детские годы через память нашу, колебания души, через внезапно пришедшую мысль живут рядом с нами, давно уже или только вчера вступившими в жизнь взрослых. Они отправляют нам импульсы по невидимому коридору оттуда, издалека, куда нам уже не вернуться и ничего не поправить. Они преследуют нас искринками, вспыхнувшими в памяти, едва слышными звоночками-напоминаниями, что все мы «родом из детства».

Звонки из детства останавливают меня в потоке стремительного времени, напоминая о том, что жизнь скоротечна, и я, оглянувшись, вновь беру с полки прочитанные когда-то книги, открываю их и понимаю, что должен, просто обязан сделать то, что не доделал когда-то в спешке...

ВДОЛЬ ПО УЛИЦЕ...

Мои родители познакомились в Тайшете в 1957 году.

Отец привёл мать в небольшой домик на перекрёстке улиц Партизанская и Рабочая, где жили его родители. Там в сентябре 1958 года родился я. Вернее, я появился на свет в родильном доме железнодорожной больницы, приписанной к улице имени поэта Тараса Шевченко, но поскольку в то время родители мои жили в доме на Партизанской, все уверяли меня впоследствии, что я родился там. Вскоре после моего появления на свет родители перешли жить в дом сестры деда — тётки отца — Полины Григорьевны. Дом этот, с колодцем у ворот и большим тополем в палисаднике, с двумя отдельными входами, стоял тогда и стоит до сих пор среди таких же добротных домов по бывшей улице Харинской, переименованной впоследствии в улицу имени первого космонавта Земли. Родителям там было жить вольготно, и в мае 1960 года в этом доме (конечно же, через родильный дом железнодорожной больницы) появилась на свет моя сестра Ольга.

Как мы жили у деда с бабушкой и на квартире бабы Поли, я не помню. Первые впечатления детства связаны у меня с большим чёрным баракком, стоявшим среди таких же, ему подобных, в начале улицы Шлакоблочной, длинным тёмным коридором, на потолке которого висела одна тусклая лампочка. Лампочка часто перегорала, и нередко

жильцы барака шли по коридору и отыскивали двери в свои комнаты на ощупь.

Бараки эти иногда называли лагерными, На том месте, где они стояли, до середины пятидесятых годов располагалась зона для политзаключённых, с высоким забором и колючей проволокой. Когда лагерь закрыли, забор разобрали, проволоку смотали и увезли, а бараки переоборудовали под жилые дома. В разгороженные на несколько комнат дома заселили рабочих, приехавших на стройки города из деревень и сёл. Одиноких и семейных.

Большую комнату с двумя окнами в одном из таких бараков выделили в начале 1961 года и моей матери — штукатуру-маляру строительного участка номер двадцать один. Приехавшая из деревни к нам жить бабушка, мать моей матери, разделила комнату на две, перегородив её посередине большой ширмой. В одной половине, где была входная дверь и стояла печка, поселилась она, в другой — все остальные.

Кроме длинного тёмного коридора и комнаты с ширмой, я запомнил огороды под окнами вдоль улицы Шлакоблочной, несколько сараев во дворе и большие белые общественные туалеты, называемые уборными.

Помню фотографа Олега Протопопова — в то время молодого парня, фотографировавшего всех жителей нашего дома. До сих пор у меня хранится одна из его фотографий, где я стою на скамеечке на фоне наших огородов, а вдали виднеется здание железнодорожной больницы.

Запомнил я и водоколонку на углу улиц Гагарина и Шлакоблочной. Все жители нашего и соседних барачков брали там воду. По утрам и вечерам у колонки образовывалась очередь, слышались разговоры и смех. Мне нравилось смотреть, как из открытого крана вода падала на дно ведра, поднимая брызги, и с шипением заполняла ведро до краёв.

Помню, как приезжали к нам в гости на лошадке, запряжённой в сани, из деревни Серафимовка сестра матери тётя Вера и её муж дядя Андрей. Как все мы ходили в магазин, расположенный в одном из барачков, и как дядя Андрей купил нам с сестрой конфеты в железной круглой баночке — разноцветные леденцы-монпансье, которые, как я узнал потом, в народе называли «лампасье» или «лампасейками».

Помню я и тот день, когда мать с отцом приехали из отпуска. Они ездили в Ташкент и привезли нам целый чемодан яблок. Деревянный, с брезентовой ручкой, коричневый чемодан был с горкой заполнен яблоками, и мне казалось, что яблоками пахло тогда не только в нашей комнате, но и в длинном коридоре, и даже на улице. В этот день — день приезда родителей из Средней Азии — мне купили лошадку. Большая бурая лошадка стояла на полозьях с четырьмя колёсами. Радости моей не было пределов. Лошадка мне нравилась даже больше, чем ароматные сладкие яблоки.

Помню, как мать первый раз повела меня в кино. Отец в тот день работал в дневную смену и ушёл рано в вагонное депо, и мы пошли в клуб

строительного участка вдвоём. Прошли мимо нескольких барачков и спустились по деревянной лестнице к клубу стройучастка. Был воскресный день, и в стране проходило голосование.

— Выборы, выборы, — говорили собравшиеся в фойе клуба люди, опуская белые бумажки в прорези тумбочек, стоявших тут же, и спешили в буфет, чтобы занять очередь.

А некоторые шли сразу в зрительный зал, где показывали бесплатно кино. В первый раз в жизни я смотрел кино. Какой это был фильм, не помню и не знаю. Помню, что вначале демонстрировали киножурнал.

— «Новости дня» называется, — пояснила мне мать.

Я запомнил башенку Кремля и часы на экране. В тот день я впервые пришёл в клуб стройучастка, с которым будет в дальнейшем так или иначе связано моё детство.

А ещё я помню августовский день 1963 года, когда из роддома железнодорожной больницы мать с отцом принесли нам с Ольгой ещё одну сестру — Лену. Уходя в роддом, мать спрашивала нас:

— Ну, кого вам принести, кого купить — братика или сестрёнку?

— Андрюшку! — говорил я ей.

— Алёнку... — лепетала сестра.

Принесли сестрёнку и назвали Леной. Помню, что у нас собралось в тот день очень много родственников. Новорождённую положили прямо на стол, пеленали и перепелёвывали, брали на руки.

А вот как мы переезжали из этого барака, я не запомнил. Переезжали не так далеко. На эту же улицу. «Вдоль по улице», — как говорил отец. Новый дом для строителей построили на другом конце Шлакоблочной. Получилось, что сначала мы жили в начале улицы, перед железнодорожной больницей, а переехав на другой её конец, поселились за территорией больницы. В обоих случаях, из окон одного и другого нашего дома, был виден больничный забор.

НА ТРИНАДЦАТЬ СЕМЕЙ

В новый дом мы переехали весной 1964 года. Мне не было тогда и шести лет, и я запомнил только гружённые мебелью автомашины, подъезжающие к дому, и ребятишек, бегающих возле этих машин.

Длинный дом тёмно-красного цвета на тринадцать квартир, с отдельным входом для каждой, был по тем временам новым воплощённым в жизнь строительным проектом. Таких домов в нашем Тайшете до того ещё не строили. Вход в каждую квартиру вёл через пристроенные сени, размером примерно полтора на полтора метра. Вдоль дома с обеих сторон строители настелили деревянные тротуары, огородили дом невысоким штакетником, соорудив перегородки внутри. Возле каждой квартиры получился свой участок, под окнами которого можно было поставить скамеечку, стол и сделать парочку грядок, что с удовольствием и делали жители нашего дома, высаживая на грядках цветы, лук и даже редиску. Но это было не всё. Каждой квартире полагался отдельный сарай, или, как называли некоторые, стайка. Выкрашенные, как и дом, в тёмно-красный цвет, сараи-стайки стояли с двух сторон от дома: семь — под одной крышей с западной его стороны и шесть — с торца, с южной.

Точная копия нашего дома, дом-близнец, почти в то же время появился на окраине улицы Шлакоблочной. Он был отделён от нашего большим огородом и деревянными постройками. Дом-близнец

Рисунок Анатолия Грешилова

получил такой же номер, как и наш, — девятнадцать. Правда, с припиской в виде буквы «А». Он имел адрес девятнадцать «А», наш — просто девятнадцать.

В оба дома почти одновременно въехали новосёлы, большинство из которых — семьи строителей. В доме девятнадцать «А» было немало девочек и мальчишек — моих сверстников, некоторые учились со мной в одном классе, но ни друзьями, ни приятелями они нам, живущим в доме номер девятнадцать ребяташкам, не стали. Дом на улице Шлакоблочной за номером девятнадцать жил своей жизнью, а дом девятнадцать «А» — своей. Это были два разных мира и две самостоятельные планеты.

Наш дом находился в окружении трёх улиц: Шлакоблочной, Партизанской и имени Тараса Шевченко. С одинаковым успехом он мог иметь адресное название любой из них, но его почему-то приписали к Шлакоблочной. Партизанская была ближе, но наш дом выходил к ней торцом и, кроме того, был отгорожен от улицы длинным сараем и двумя четырёхквартирными домами. От Шлакоблочной его тоже отделяли два дома на четыре хозяина, а кроме того, огороды и небольшой пустырь на пересечении с Партизанской. Говорили, что на месте пустыря по плану должны были построить ещё один дом, но его так и не построили.

С домом по улице Шлакоблочной, девятнадцать, у меня связаны наиболее яркие впечатления детства. Улицу, правда, через год или два после того, как мы поселились там, переименовали и

дали название по имени и фамилии первой в мире женщины-космонавта Валентины Терешковой, но первое её название — Шлакоблочная — до сих пор ассоциируется у меня с годами познания окружающего мира.

Мы жили на Шлакоблочной недолго — всего три с половиной года, но едва ли не каждое из событий тех лет до сих пор хранится в моей памяти. Купленный мне букварь и подаренные лыжи, здоровенный петух, живший во дворе дома на улице Партизанской, и злой индюк из дома напротив, школа и привезённый отцом из Риги фильмоскоп. А ещё игры на площадке и за сараями, снежные горки, трамплин, катание на вагонетке, железнодорожный вагон, зачем-то поставленный на пустыре, и друзья и знакомые из моего детства, те, кого я помню и буду помнить всю свою жизнь...

КВАРТИРА НОМЕР ДВЕНАДЦАТЬ

Отличие нашего дома от дома номер девятнадцать «А», которое замечал не каждый, было в том, что при одинаковой площади — длине и ширине — наш дом имел тринадцать квартир, а дом девятнадцать «А» — только двенадцать. Почему так получилось? Думаю, этим вопросом никто из жителей наших домов не интересовался. И я узнал об особенностях нашей двенадцатой квартиры только тогда, когда оказался в гостях в квартирах соседних. Бóльшая часть квартир — восемь — имела по два окна, выходящих на одну сторону. Окна их кухонь и комнат смотрели либо на восток, либо на запад. В четырёх угловых квартирах, с входом с торцов дома, было по два кухонных окна: одно — возле входа, а второе, как говорили тогда некоторые взрослые, — «на фасадной стороне», рядом с окном из комнаты. Побывав у соседей, я сделал вывод, что жилая площадь всех квартир одинакова — кухни такого же размера, что и комнаты. Такая же площадь была и у нас в двенадцатой квартире, но почему-то вход и кухня её располагались с западной стороны, а комната с восточной. Поэтому и окна выходили на две стороны, и было у нас, в отличие от других квартир, два палисадника.

Кроме того, в нашей квартире печку сложили не как у других — почти у входа, ближе к окну, а в глубине кухни, поэтому и труба нашей печки возвышалась над остальными трубами, выходя из крыши почти у самого конька на два-три кирпича. Это отличное

от других её расположение сыграло свою роль, когда весной 1966 года, после снежной зимы, уплотнившийся снег, сходя с крыши, разрушил несколько кирпичных труб-дымоходов, а наша уцелела.

Хорошо помню, как была обустроена наша квартира и как располагались вещи в ней. В сенях, примерно на метр от пола, на всю длину задней стенки была прибита и укреплена двумя подпорками доска шириною сантиметров двадцать, служившая полкой. Летом мать ставила на неё стеклянные банки, а отец раскладывал столярно-слесарный инструмент: молоток, гвозди, ножовку, топор, гаечные ключи. Зимой на полку и стоящий в углу маленький стол выносили на противнях, плоских тарелках и разделочных досках пельмени («на мороз»), прикрыв сверху газетами. Иногда, когда ждали гостей, пельменей было много. Их лепили всей семьёй.

Лепка пельменей в те годы для многих людей складывалась в семейный ритуал. И мы не были исключением.

Вначале готовился фарш. Тут я проявлял сноровку и быстро занимал место возле прикрученной к столу мясорубки. Мать ставила передо мной нарезанные кусочки мяса, я опускал их в жерло мясорубки, быстро крутил ручку, и в подставленную чашку выползали из «носа» мясорубки, как мы, ребятишки, их называли, «мясные червячки». Они опускались на дно чашки и начинали заполнять её. Мать подрезала их ножом и утрамбовывала столовой ложкой. «Червячки» превращались в месиво — фарш. После нескольких кусочков мяса мать подавала мне резаную

сырую картошку и лук, и я перекручивал их в овощной фарш. Следом ножами мясорубки дробились кусочки хлеба или сухарики. «Для прочистки мясорубки и добавки к мясу, — поясняла мне мать, — чтобы не такие жирные пельмешки были».

Когда на столе в большой железной чашке образовывалась гора фарша, начинался процесс лепки.

Мать резала тесто, бабушка раскатывала его по столу скалкой (иногда ей помогала моя сестра Ольга, она катала тесто пустой бутылкой). Круглые заготовки, похожие на невыпеченные блины, поступали ко мне, а я с помощью гранёной рюмки нарезал из них кружочки для начинки. Это занятие мне нравилось даже больше основного — лепки пельменей. Лепкой на первом этапе занимался отец. Он черпал ложкой из чашки фарш, раскладывал на кружочки (сразу на несколько), а потом сворачивал. Заготовка превращалась сначала в вареник, а после, соединённая концами и скрученная, — в привычный нам пельмешек. Много пельмешков сделать один отец не успевал, и к нему на помощь, справившись со своей работой, очень скоро подключались мать и бабушка. Вот тут и появлялись противни, разделочные доски и плоские тарелки. На них раскладывали готовую продукцию. Оставшееся у меня после нарезки, не вписавшееся в кружки-заготовки тесто подхватывали бабушка или сестра Ольга и, слепив из них колобки, снова пускали в раскатку и передавали мне. Так что в лепку я включался, когда последний раскатанный блин был уже похож на оладушек и его заполняли фаршем. В процессе участвовала и младшая сестрёнка Лена.

Ей, трёх-четырёхлетке, доверяли подносить к месту работы пустые тарелки и относить, уже заполненные пельменями, к большому столу, что она делала с удовольствием и даже с восторгом. Иногда (чаще на Новый год) несколько пельменей лепили «с сюрпризом»: вместе с фаршем заворачивали монету или добавляли пол-ложечки соли, горошину перца. Над тем, кому попадали за столом такие «сюрпризы», потом подсмеивались и говорили: «Ну, жди, богатым в наступившем году будешь!» — или: «Солоновато, друг, будет нынче...» — или же просто «поздравляй»: «С перчиком...» Никто никогда ни на кого не обижался, и человек, почувствовав на зубах монетку, горошек или соль, вынимал пельмешек изо рта и смеялся вместе со всеми.

Стол, на котором обычно лепили пельмени, был обычный — прямоугольный, на четырёх ножках. Он стоял в углу справа от входа, возле окна. На нём я почти всегда делал уроки. Сестры тоже любили этот стол — занимались рисованием или лепили что-нибудь из пластилина. А одну зиму под этим столом жили какое-то время семь молоденьких курочек и два петушка.

Примерно в метре от стола, что был моим письменным и некоторое время служил курятником, стояла широкая деревянная кровать. Она действительно была широкая — занимала место от стены до прохода из кухни в зал. Кровать застилалась двумя матрасами и периной, неестественно белыми простынями и красивым цветным покрывалом с изображением крупных тигров на нём. В изголовье сооружалась

пирамида из четырёх подушек: двух одинаковых снизу и двух поменьше. Я, на правах старшего в семье ребёнка, облюбовал себе самую верхнюю и, когда в доме все отходили ко сну, забирал эту подушку к себе на диван.

По левую сторону от входа, в нашей большой кухне, в углу, стояла табуретка, на которой любил сидеть отец. Дальше — большой стол-буфет с открывающимися внизу и вверху дверцами, выдвигающейся столешницей. Внутри стола хранились крупы и мука, сверху — посуда, на самом столе — кружки, стаканы и солонка с перечницей. С другой стороны стола, ближе к печке, стояла ещё одна табуретка, которую обычно занимала бабушка. Ей было удобно там, когда топилась печка. Она смотрела за кастрюльками, в которых варились супы или каши, а попутно вязала на спицах носки и варежки для всего нашего семейства.

Примерно по самому центру кухни на полу выделялась крышка с кольцом — вход в подполье. Зимой, да и летом, мать накрывала её половичком. Крышка с кольцом для меня была сродни входу в неведомый, таинственный мир. В то время в клубах и кинотеатрах шёл фильм «Сказка о потерянном времени», где герой попадал в сказочный мир, шагнув в дупло большого дерева. Чего-то подобного ждал я всегда, когда открывалось подполье. Оно нечасто, но открывалось. Отец включал лампочку-переноску, и под полом освещалось пространство глубиной примерно в два метра и шириною метр на метр. На дне подполья, между деревянными полочками, на которых

стояли соленья и варенья, и ящиком, куда засыпалась картошка, едва мог развернуться один человек. Картошка, правда, не всегда находилась в подполье. В суровые зимние месяцы, когда мороз жал за минус сорок, отец с матерью снова заполняли картошкой мешки и поднимали их в квартиру. Один обычно ставили около печки и сразу пускали в дело — на варку и жарку, а остальные, ряда в два, а то и в три (по три мешка в каждом), ставились возле окна, в соседстве с письменным столом.

Я любил спускаться в подполье по каждому поводу. Доставал банки с огурцами и вареньем. Вылезать оттуда не торопился и заглядывал с любопытством в узкое пространство между землёю и полом. Пролезть даже ребёнку там было невозможно. Но мыши свободно путешествовали в этих низких проходах, а иногда туда забирались коты и кошки, и, бывало, ночами слышались под столом или возле печки шепуршание, писк и мяуканье.

На большой плите нашей печки, я помню, помещались три кастрюли разного размера и объёмная сковорода. На плите варили супы и пельмени, пекли блины, оладьи и пирожки, жарили мясо и яичницу. Но особенной печь становилась в сентябре, когда копали картошку. Мать с бабушкой доставали тёрку и превращали недавно выкопанную и только что вымытую картошку в мягкую сочную кашицу. Слегка посолив, подцепляли тёртую картошку на ложку и равномерно укладывали в сковороду. Картошка шипела, превращаясь из белой кашицы в золотисто-коричневые оладьи — драники.

На правах старшего я всегда получал первый, горячий, готовый к употреблению драник. За мной с тарелочками выстраивались сестрёнки. Ольге полагался драник номер два, младшей, Лене, — третий. Пока сёстры расправлялись со своими горячими картофельными оладьями, макая их в сметану, я, бывало, успевал подскочить к печи ещё несколько раз и получить со сковороды один или два новых драника. Иногда, глядя на неторопливых сестрёнок, успевал съесть четыре или даже пять, пока они расправлялись с одним.

Это было объедение!

Драников всегда напекали много, с запасом дня на два-три. Их складывали в большую эмалированную чашку, и они лежали там горкой. Мне драники нравились и в остывшем виде. Я их запивал чаем перед выходом в школу, а иногда бабушка заворачивала мне несколько штук с собой.

И ещё одно кушанье быстрой готовки заставляло нас с сёстрами прыгать от восторга. Мать очищала несколько картофелин, резала их на тонкие кружочки и брусочки. Потом она начисто вытирала плиту, затапливала её и раскладывала на ней нарезанные кусочки сырой картошки. Картошечки начинали шипеть и румяниться. Мать их переворачивала два-три раза, и через минуту-две подрумяненные кусочки были готовы. Она складывала их в тарелку, а мы, кто вилкой, кто руками (обычно я), разбирали поджарки и начинали хрустеть.

Поверьте, никакие появившиеся позже чипсы не сравнить с теми поджаренными картошками. То

была сочно-горячая, с сыринкой, подрумяненно-поджаренная хрустящая картошечка. Много бы я отдал за то, чтобы сейчас вот так приготовить её на открытой чугунной плите простой кирпичной печки.

А между стеной и печкой был небольшой проём — «зауток», как называли его взрослые. Там отец закрепил рукомойник, соорудил полочку под мыло, а мать повесила на гвозди полотенца. Зауток по утрам служил нам умывальником, а днём в холодное время года там всегда лежали несколько поленьев. Иногда (чаще днём, когда родители были на работе, а дома оставались бабушка с сёстрами) я забирался в зауток, к топившейся печке, садился на поленья и, слушая треск сгорающих дров, мечтал о жарких странах, представлял море и произносил загадочное для меня слово «кипарисы».

Фантазии эти рождались из детских книжек, что я читал в то время, и редких для меня кинофильмов, куда иногда брали меня с собой родители.

Рассказ о большой комнате, думаю, тоже надо начать с печки. Тыльная сторона её составляла стенку по левую сторону от входа в комнату. Эта стенка, когда топилась печь, нагревалась, и мы, ребяташки, да и бабушка тоже, любили зимой подсаживаться к ней, поставив поближе табуретки или стулья, и нежиться — греться, прикладывая ладони к горячей стене. Правда, места для этого было немного, потому как большую часть этой печной стенки занимала кровать-полуторка, на которой спали мои сёстры — Ольга и Лена. Она стояла в самом углу, а рядом с ней, вдоль большой левой стены, красовался бабушкин

сундук. По тем временам он мне казался внушительным: больше метра, наверное, длиной и с полметра высотой. Полуовальная его крышка всегда была накрыта белой тюлевой накидкой. Насколько помню, меня никогда не интересовало, что лежит в этом сундуке. Для меня он, когда собирались гости, служил сценой. Я забирался на него и по просьбам родителей и многочисленных своих тётушек и дядюшек, а также соседей, зашедших к нам «на огонёк», читал оттуда стихотворения: детские, лирические, сатирические, патриотические. Детских и патриотических, по случаю праздников Восьмого марта, Первого и Девятого мая, Седьмого ноября, встречи Нового года, было больше.

Но о моих выступлениях на застольях, может быть, я расскажу потом, а пока продолжу описание нашей квартиры номер двенадцать, а точнее, большой комнаты. За сундуком, занимая место почти в полстены, до самого окна, стояла бабушкина кровать, застеленная периной и накрытая неброским байковым покрывалом, на котором, ближе к окну, громоздилась горка подушек. Их было тоже четыре, и они лежали так же, как и на кровати родителей, пирамидкой — одна на другой: внизу самая большая, которую бабушка подкладывала под голову, когда ложилась спать, и три поменьше. Вечерами бабушка разбирала постель, и три верхние подушки перемещались на сундук. Но иногда бабушка, укладываясь на ночлег, под большую подушку подкладывала ещё и самую маленькую. Интересно, что летом бабушка ложилась головой к окну, а зимой — в сторону

сундука и печки, но горка подушек днём неизменно сооружалась в сторону окна.

Широкое окно комнаты постоянно было занавешено большим, до самого пола, тюлем, а по бокам его с гардины свисали светло-зелёные шторы. Их закрывали на ночь: плотно зимою и не очень плотно летом. Окно выходило в небольшой палисадничек, в котором летом 1964 года отец посадил маленький куст черёмухи. Там же мать на двух грядках сеяла весной лук и ещё на одной — редиску или репку. За палисадником располагался узкий тротуар, стиснутый с другой стороны изгородью высотой метра в полтора. Изгородь тянулась вдоль всего дома, поворачивая возле последней квартиры вправо, захватывая метров на пятнадцать пустырь между нашим домом и двухквартирными домами, расположенными по Шлакоблочной улице. Сооружённая из штакетника жителями нашего дома изгородь огораживала тринадцать дополнительных земельных участков — огородов. В этом огороде у нас было ещё несколько грядок: с луком, чесноком, морковкой, редькой, свёклой. Росла там капуста и даже несколько кустов скороспелой картошки, которую выкапывали в начале августа, когда начиналась череда дней рождения в нашей родне.

Конечно же, этой картошки было недостаточно, и отец с матерью, как и все жители нашего дома, брали по весне дополнительные участки на поле, километрах в двух от последней улицы города. Но об этом чуть позже, а я пока продолжу описание нашей комнаты.

Если осматривать комнату слева направо, то в правом углу от окна, в большом старом эмалированном ведре, возвышался метра на полтора зелёный фикус. Мы, дети, называли его деревом. Обтянутое белой марлей ведро под Новый год накрывали ватой, и оно напоминало припорошённый снегом лесной пенёк, из которого тянулось вверх дерево. Ватой под Новый год украшались и широкие листья фикуса, и цветок несколько дней стоял как заснеженный. Все три года, что мы жили в квартире на улице Шлакоблочной, в конце декабря возле окна, недалеко от фикуса ставили новогоднюю ёлку, и праздник мы встречали с двумя украшенными деревьями.

Недалеко от фикуса, по правую сторону комнаты, на табуретке, всё время, что мы жили в этой квартире, стоял радиоприёмник «Рекорд». «Ламповая радиола „Рекорд-53М ИРЗ“» — так было написано в книжечке-инструкции для пользователя, что хранилась всегда на приёмнике. Приёмник работал на нескольких волнах, и мы часто слушали по нему сказки, которые читал известный в то время Сказочник — диктор Всесоюзного радио Николай Литвинов. А когда к нам приходили гости, родители открывали крышку радиолы, ставили пластинки, и из динамика приёмника-радиолы звучали песни.

Рядом с радиоприёмником, на расстоянии всего нескольких сантиметров, закрывая половину правой стены, стоял неразборный диван с откидывающимися боковыми валиками. Этот диван все называли моим — «Серёжкиным диваном», потому что на этом диване спал я.

Днём диван служил для всех. Мои сёстры нередко, забираясь на него с ногами, листали там книжки с картинками. Бабушка присаживалась передохнуть и иногда сидя засыпала. Когда организовывались у нас застолья и посередине комнаты устанавливали большой разборный стол, на диван усаживались по пять, а то и по шесть человек. Некоторые из них присаживались на валики и, мне казалось, не чувствовали неудобств, предаваясь общему веселью. Ну а ближе к ночи диван принадлежал мне. Правда, иногда не полностью.

Моя двоюродная сестра Неля, дочь старшей материной сестры тёти Веры, закончив восемь классов, приехала из деревни на учёбу в Тайшет. Училась она, насколько я помню, на радистку в школе ДОСААФ и жила с подругой на съёмной квартире недалеко от железнодорожного вокзала. Она часто бывала у нас в гостях и иногда оставалась ночевать. Мать и бабушка не придумывали ничего лучшего, как только положить её спать со мной на диване. Мы спали с ней валетом: она — головой к двери, я — к окну. Неля была старше меня на девять лет и тогда казалась мне здоровенной девкой. Спала она беспокойно, крутилась, задевала меня ногами, и мне порой приходилось сворачиваться калачиком. Не скажу, что я в такие ночи мучился бессонницей, но приятного было мало. Бывало, двоюродная сестра приходила, когда мы уже ложились спать. Стучала в окно, раздевалась, пила чай на кухне, а потом пристраивалась ко мне на диван, отодвигая и подталкивая меня, полусонного. Вот этих её поздних стуков в окно я не любил в то время больше всего на свете.

А иногда Неля приходила к нам с подругой Людой. Пару раз мать оставляла их ночевать. Тогда им стелили на полу, возле радиоприёмника. Помню, как подружки укладывали на пол старые пальто и шубу, как бабушка выделяла им подушки из своей пирамиды, как они долго не могли заснуть, шептались и негромко смеялись. Но это меня ничуть не смущало. Я торжествовал, лёжа один на диване: разбрасывал ноги и руки, думая о том, что одному-то здесь места недостаточно, а двоим и вовсе не поместиться. Мне казалось, что это, наконец, поняли и мать и бабушка и больше ко мне двоюродную сестру не положат, и будет она, если останется ночевать, спать на полу, возле радиоприёмника. Но проходило какое-то время, Неля снова приходила без подруги, стучалась вечером в окно, пила на кухне чай, а потом отталкивала меня к стенке, полусонного.

Вот, в принципе, и всё описание нашей квартиры, и большой комнаты в частности. Между диваном и стенкой, где располагалась входная в комнату дверь, было расстояние около метра. Там иногда стояли стулья или табуретки. А за ними, немного задвигая за диван, ставили в разобранном виде складной стол.

Мы жили в квартире номер двенадцать в доме по улице Шлакоблочной (позже — имени Валентины Терешковой) с апреля 1964 года по ноябрь 1967-го. О некоторых запомнившихся мне событиях я попробую рассказать.

«ЗВЕЗДА НА ЛБУ! ЗВЕЗДА ВО ЛБУ!»

Помню апрельский воскресный день 1964 года. Мы только что переехали в новый дом, и мне купили новые резиновые сапожки. Чёрные блестящие сапоги привезли утром приехавшие с рынка родители, я их примерил и, накинув на себя своё серенькое осеннее пальтишко, сразу же побежал во двор — проверить на прочность обнову. Далеко идти было не нужно. Метрах в пяти от нашей калитки, за тротуаром, покрытые тонким ледком, блестели на солнце несколько лужиц.

Я ступил на край одной, лёд треснул под сапогом, и на нём появились похожие на паутину белые разводы. Пройдя дальше по льду, я топнул ногой. Лёд снова треснул, но не проломился.

Во дворе, помимо меня, играли, догоняя друг друга, несколько ребятишек примерно моего возраста. Они кричали и смеялись, не обращая вначале внимания на меня. Но, видимо, треск льда на луже привлёк их внимание, и трое мальчишек и две девчонки подошли ко мне.

А я уже был на середине лужи и, заметив приближающихся ко мне детей, с силой ударил ногой по льду. Лёд проломился, из-под него взлетели мутные брызги, и несколько капель попали мне в лицо.

Приближающаяся группа детей остановилась, глядя на меня. А я, подняв голову, смотрел на них. Вдруг один из мальчишек засмеялся и, показывая на меня пальцем, восторженно крикнул:

— У него звезда на лбу!

— Звезда на лбу! Звезда во лбу! — тут же закричали и засмеялись остальные дети, кивая на меня.

— Звезда на лбу! Звезда во лбу! — кричали они все вместе громко, на весь двор, а когда я пошёл в их сторону, они дружно побежали.

— Звезда во лбу! — кричали они, — Звезда на лбу!

На крики во дворе из квартир выходили другие дети и, увидев убегающих и кричавших, подсоединялись к ним и тоже начинали кричать и убежать.

Ребятишки побежали по тротуару, я бежал за ними. На другой стороне дома, у палисадников, стояло ещё несколько девчонок и мальчишек. Увидев приближающихся к ним бегущих и кричащих детей, они побежали им навстречу, и через минуту-другую две группы столкнулись на узком тротуаре. Несколько человек, не удержавшись, упали, сбивая с ног других. Образовалась куча-мала. Но никто не заплакал. Наоборот, смех стал ещё громче, и упавшие, тут же подскочив, побежали дальше, вслед за убегающими, продолжая кричать:

— Звезда во лбу! Звезда на лбу!

Увеличившаяся за время бега группа детей оббежала вокруг дома и остановилась возле лужи, из которой на мой лоб прилетела «звезда».

Все дружно и весело смеялись, включая меня. На громкий смех детей во дворе выглядывали из окон квартир, а то и выходили во двор узнать, в чём дело, взрослые — наши мамы, отцы, бабушки и дедушки.

Так проходило наше знакомство друг с другом.

ЛИСОФЬЮРА И ДРУГИЕ СОСЕДИ

Во второй половине апреля заметно потеплело, и во двор нового дома стали чаще выходить юные новосёлы. Поскольку с одной стороны к дому почти вплотную подходили огороды, всех тянуло на широкую площадку с обратной стороны, между домом нашим и тремя четырёхквартирными домами улицы Шевченко. На этой площадке к лету организовали песочницу, а к зиме построили деревянную горку.

Обычно, позавтракав, я утром, снаряжённый бабушкой в своё серое пальтишко и фуражку, выходил из дома обследовать новую территорию. Как правило, я обходил вокруг дома, но встречал только взрослых, в основном пожилых, людей.

Обойдя наш дом с одной стороны, а потом с другой, я возвращался и останавливался у своей калитки. Иногда ко мне выходила сестра Ольга, и мы стояли у калитки вдвоём, не рискуя пройти дальше, к соседним домам, расположенным с двух сторон по улицам Гагарина и Шевченко. Ольга вообще старалась не отходить от дома далеко и лишь изредка осмеливалась пройти со мной вокруг дома.

Однажды, завершая вместе с сестрой круговое путешествие, мы увидели двух мальчиков, стоявших у калитки своей квартиры. Мы с Ольгой, несмело приближаясь к ним, сошли с тротуара, чтобы обойти мальчишек и продолжить свой путь к нашей калитке.

Мальчишки заметили нас и с любопытством стали разглядывать. Один из них был выше другого на целую голову, и я сделал заключение, что они братья.

Когда мы приблизились к ним, младший оживился и шагнул навстречу.

— Как тебя зовут? — спросил он, остановившись напротив меня на тротуаре.

Я, сошедший с тротуара, стоял на земле напротив него и чувствовал себя неловко.

— Сергей... — тихо сказал я. — А это Ольга, — кивнул я в сторону сестры, которая смотрела тревожно и ждала, что же будет дальше.

Неожиданно мальчик протянул мне взрослому руку и сказал очень быстро:

— Лисофьюра.

Я машинально, как это делают взрослые, пожал ему руку, но не понял, что он сказал.

Тем временем к нам подошёл второй мальчик и тоже протянул мне руку.

— Лисов Саша! — представился он, и тут я догадался, что младшего брата его зовут Юра. Лисов Юра.

— А вы умеете рисовать? — спросил нас с Ольгой Лисов Саша. — У меня мел есть. Давайте нарисуем что-нибудь на тротуаре.

И, не дождавшись от нас ответа, Лисов Саша стал рисовать на тротуаре.

— Сейчас он нам кота нарисует, — сказал Лисов Юра. Лисофьюра.

И Лисов Саша действительно начал рисовать мелом на тротуаре голову кота. Уши, рот, усы, глаза.

К нам подошли другие дети, с которыми мы тоже сразу же познакомились. Это были Валерка и его сестра Надя Куликовы из седьмой квартиры, Славка Николаев из восьмой, наша соседка из квартиры номер один Ирка Соколова с маленьким братом Колей, которого она держала за руку, другая наша соседка из квартиры номер два по имени Венера, живший в доме напротив по улице Тараса Шевченко ещё один Сашка по фамилии Стефаненко.

Знакомых у меня становилось всё больше. Некоторых я запомнил на всю жизнь. Лисовы Юра и Саша не стали мне друзьями, и наши дороги больше не пересекались, но нередко вспоминаем мы с сестрой с улыбкой и ностальгией тот день, когда бойкий мальчик протягивал нам руку, стоя на тротуаре нового дома, и представлялся: «Лисофьюра».

СКВОРЕЧНИК БРАТЬЕВ ЧУГУНОВЫХ

Нередко утром я видел в окно, как по тротуару пробегали мимо нашей квартиры мальчишки и девчонки, как шли дети, держась за руки пап и мам.

— Это в детский сад ребятишек ведут, — поясняла бабушка.

В детский сад мы с сестрой Ольгой не ходили. Нас опекала бабушка. Бабушек в нашем доме было немного, и большинство детей водили, носили и возили в колясках в детский сад и детские ясли. Родители их всех были постоянно заняты на производстве. Большинство взрослых, живших в нашем доме, строили дома или работали на железной дороге. В будние дни во дворе можно было встретить лишь двух-трёх ребятишек, не посещавших, как и мы, детские сады.

Одним из них был любопытный мальчик с широко открытыми глазами, с интересом разглядывающими всё вокруг. Иногда этот мальчик ходил вокруг дома по новенькому тротуару с куском хлеба в одной руке и большой алюминиевой кружкой, наполненной молоком, в другой. Он останавливался то возле одной квартиры, то возле другой, откусывал хлеб, запивал молоком и заглядывал в окна, словно вызывал на улицу обитателей квартир, желая с ними познакомиться.

Конечно же, выделяющегося своим поведением мальчика не могли не заметить и не запомнить жители нашего дома.

— Да это же младший сын Чугуновых, — увидев как-то в окно мальчика, сказал отец и, открыв окно, позвал: — Ну что стоишь там? Заходи!

Мальчик, смело открыв нашу калитку, зашёл сначала в ограду, а потом и в квартиру.

— Проходи за стол, садись, — пригласила гостя бабушка. — Вот Серёжка с Ольгой, — представила она ему нас с сестрой. — Они сейчас тоже чай пить будут. Заодно все и позавтракаете. Тебя как звать-то?

— Сашка, — сказал мальчик, усаживаясь на табурет с краю стола, где обычно сидел наш отец, и поставив перед собой кружку с молоком.

— Молоко, видать, любишь... А вот наших не заставишь молоко пить. Не больно-то любят его... — посетовала бабушка.

— А у нас много молока, — оживился наш гость. — Мамка работает на мельнице, и ей молоко дают бесплатно.

— Это на какой мельнице? — спросил отец, присевший на край кровати. — Муку мелет, что ли?

— Извёстку, — сказал Сашка, отпив из кружки. — Она камни бросает в большой барабан, он крутится и мелет. Извёстка получается. Мы с Витькой ходили к ней на работу, помогали камни в барабан кидать. Но там пыльно... Весь белый оттуда выходишь... И голову мыть потом надо...

— А... Я понял! — догадался отец. — Это та мельница, что на строительном дворе, рядом с автобазой?

— Да, — кивнул Сашка, — далеко идти нужно. Но мы с Витькой ходим часто.

— А Витька — это брат твой?

— Да, старше меня. Но не самый старший. Старший, Иван, уже работает. А Витька в этом году в первый класс учиться пойдёт.

В этот день я познакомился с братьями Сашки Чугунова — с Витькой и со старшим Иваном. Сашка привёл меня к своей квартире, там во дворе, в палисаднике, его братья мастерили скворечник.

— Вы что, пацаны, не чешетесь? — спросил нас с Сашкой взрослый, уже самостоятельный Иван. — Ни вы, ни ваши родители? Скворцы две недели уже как прилетели, а жить им негде. Скворечники надо мастерить. Мы с Витюхой досточек напилили, сейчас домики сколачивать будем. А вы не стойте тут пнями возле нас. Сашка, неси вместе со своим другом из сеней ящик с гвоздями и молоток.

Мы с радостью, желая быть полезными старшим, бросились с Сашкой в сенцы. Сашка быстро отыскал молоток и гвозди. Я вынес и подал Ивану молоток, Сашка поставил перед ним ящик с гвоздями.

— Ну вот и от вас польза! — улыбнулся Иван и стал сколачивать скворечник.

Часа через два Иван с Витькой, забравшись на сени, прибили над дверью чердака, почти под самой крышей дома, первый скворечник. Второй они укрепили на берёзке, растущей недалеко от их квартиры. На стук молотка и посмотреть, как ставят скворечники, пришли ребяташки из других домов.

Там мы познакомились с Костей Лавреновым, который уже учился в школе, братьями Негриенко из дома девятнадцать «А» — Валеркой и Сергеем, Виталькой Белых.

Последующие несколько дней мы, едва проснувшись, бежали к скворечникам в надежде увидеть поселившихся там скворцов, но они почему-то облетали стороной построенные для них домики. Примерно через неделю скворечник, закреплённый под крышей дома, облюбовали воробьи. Иван поначалу отгонял их камнями, но юркие птички упорно возвращались. Наконец он смирился, сказав нам:

Рисунок Марии Снегирёвой

— Пусть птицы сами разбираются, кому в домиках жить. Мы своё дело сделали.

Наверное, всё-таки и воробьи не жили в скворечнике под крышей постоянно, они, скорее всего, заглядывали туда из любопытства. Мы видели их время от времени. А вот ко второму скворечнику, на берёзке, птицы долго не подлетали. Костя Лавренов сделал заключение, что птицы боятся людей и ночуют в скворечнике на берёзе только ночью, а днём улетают. Витька с Иваном несколько раз забирался на дерево и заглядывали внутрь домика, высвечивая там фонариком, но не обнаруживали следов пребывания птиц.

Скворцы в обоих скворечниках всё же поселились, но это случилось только следующей весной, в апреле 1965 года.

ПЛАНЕТА ПЕТУХА ПЕТИ

Во время первых путешествий по новой округе моё внимание привлёк проход между сараями, расположенными с торца нашего дома, и огородом жителей соседнего четырёхквартирного дома, за которым шла улица Партизанская, а за ней был виден забор железнодорожной больницы.

Это был уже другой мир, другая планета. В принципе, другой планетой, на которую мы переселились, был и наш новый дом, но к новому месту жительства за несколько дней я уже начал привыкать. Обживая своё пространство, я невольно заглядывал и в соседнее. И однажды решился туда шагнуть.

Первым живым существом, встретившимся мне на подступах к новому миру, оказался большой белый петух с запрокинутым в правую сторону гребнем, подёргивающий крыльями и хвостом. Он загородил мне путь и грозно заклокотал. Я остановился, не решаясь идти дальше. Первым моим желанием после встречи с агрессивно настроенной птицей было отложить путешествие в неведомое и повернуть назад, но любопытство, тяга к познанию и новым открытиям пересилили страх. Я шагнул навстречу грозному петуху. Тот, не ожидая, видимо, от меня такой смелости, сначала нахохлился, выпятил грудь, но потом, медленно повернувшись, не спеша зашагал в глубь двора, к огороду, где, я увидел, кудахтали и ходили за забором несколько курочек.

Осмелев, я пошёл следом за петухом и, обойдя его справа на расстоянии трёх-четырёх метров, благополучно прошёл к соседнему дому, а затем к улице Партизанской.

Довольный сам собой, своей новой победой и вдохновлённый новыми впечатлениями, я стоял у незнакомого мне дома, смотрел на забор железнодорожной больницы и провожал взглядом проезжающие по улице Партизанской немногие тогда автомобили, в основном самосвалы, спешащие на новые городские стройки.

Можно было попробовать пройти дальше — вправо по улице Партизанской, обогнуть несколько сараев, принадлежащих жителям четырёхквартирного дома, и, выйдя на улицу Тараса Шевченко, вернуться в наш двор. Совершив такой маршрут, я бы мог гордиться новым своим достижением. Но, видимо, тогда я думал, что достижений на один день у меня достаточно, и повернул назад, к своему дому. Белый петух, казалось, не обращал на меня никакого внимания. Он стоял возле забора и смотрел на курочек, прогуливающих и кудахтающих в огороде, что-то отыскивающих клювами в ещё мёрзлой апрельской земле. Я прошёл мимо петуха, на этот раз на расстоянии примерно полутора метров. Прошёл спокойно, не торопясь, чувствуя уже превосходство над этой с виду грозной птицей.

Петух даже не глянул в мою сторону. Покидал «чужую планету» я с высоко поднятой головой. Остановившись в начале прохода возле наших сараев, я не торопился домой и уже подумывал, а не

пройти ли мне мимо других домов, что по улице Тараса Шевченко, и не выйти ли к пустырю, который был виден из нашего окна между двумя шевченковскими домами. Но неожиданный удар по спине между лопаток не дал мне принять решение, как поступить дальше. Вначале мне показалось, что кто-то толкнул меня сзади. Я не удержался, потерял равновесие и упал лицом вперёд, оказавшись на четвереньках. Фуражка слетела с моей головы и упала в грязь. Не успев ничего понять, я хотел было сразу подняться, но почувствовал новый удар по спине, на этот раз сверху.

Не понимая, что происходит, я, быстро развернувшись, сел прямо на грязную тропинку и увидел перед собой большого белого петуха. Петух, казалось, вырос в размерах и теперь был больше меня. Он грозно смотрел на меня, клекотал, устрашающе дёргал головой, красный гребешок от волнения его колыхался то в одну, то в другую сторону. Мне стало ясно, что петух готовится совершить новый налёт.

«Сейчас он прыгнет на меня спереди и клюнет в переносицу...» — подумалось мне. Эта страшная мысль мгновенно подняла меня на ноги, и я, забыв о своей фуражке, вернее, перепрыгнув через неё, помчался что было сил к своему дому, к своей калитке. У калитки я остановился и оглянулся. Петух и не думал меня преследовать. Он, не выходя из границ «своей планеты», подошёл к моей фуражке, как мне теперь кажется, с презрением клюнул её и, повернувшись, победно отправился восвояси. К своим курочкам.

Я же несмело прокрался к своей фуражке и, схватив её, снова побежал к своему дому.

Когда я зашёл домой, меня встретила бабушка.

— Боже мой! — всплеснула она руками, увидев меня. — Ты где был? Штаны и пальто в грязи, руки чёрные, фуражка грязная... За тобой кто гонялся?

— Я... я... я упал... — проямлил я и тут дал волю своим скопившимся и рвущимся из меня слезам.

До середины лета я старался не подходить к проходу между сараями и огородом жителей дома по улице Партизанской и не надевал больше пальто и фуражку, чтобы ненароком не напомнить белому петуху о себе и моём походе на его территорию. К тому времени на улице потеплело, и родители купили мне новую весеннюю курточку, так что объяснить им, почему я не надеваю пальто и фуражку, мне не пришлось.

ТЕРРИТОРИЯ ИНДЮКА ИГОРЯ

В начале лета, когда я подружился с Сашкой Стефаненко из другого четырёхквартирного дома, что стоял напротив нашего по улице Тараса Шевченко, и он повёл меня к себе в гости, во дворе их дома я увидел большущую, не ведомую мне ещё птицу. Она была чёрная, как апрельская земля, с грозной головой на тонкой шее и каким-то красным наростом, болтающимся возле клюва.

— Это индюк такой. У наших соседей живёт в сарае, а днём со своими индюшками по двору гуляет. Я его Игорем зову, — пояснил мне Сашка. — Не бойся. Соседи отгородили сеткой их территорию, дальше индюки не выходят. Да и Игорь только с виду страшный, а подойти ближе к ограде — он сам от тебя отойдёт. Насупится, погрозит и уйдёт к своим индюшкам.

Доселе никому не рассказывая о своей встрече с петухом, я решил рассказать о ней Сашке.

— Да это Петька, всем нам, кто давно тут живёт, известный! — засмеялся Сашка, выслушав мой рассказ. — Он на многих бросается. Даже взрослых, бывает, в пятки клюёт. Его уже палками не один раз лупили, а ему всё равно неймётся. Его хозяйка, бабулька, что в доме по Партизанской живёт, сколько раз грозилась из него суп сварить. Закрывает его в своём курятнике, а он вырывается и по двору своему бродит. Чужих не пускает к огороду.

Я потом часто ходил в гости к Сашке Стефаненко и не один раз видел индюка Игоря и его индюшек, но близко к его территории не подходил.

Знакомства с петухом Петей и индюком Игорем случились у меня в первую весну и первое лето нашего жития на улице Шлакоблочной, и, честно говоря, я даже не помню, видел ли я их и встречался ли с ними в следующем году. Скорее всего, нет. А может, и видел, и встречался, но уже они не были для меня в диковинку, и я не придавал им такого значения. Может, потому, что стал старше и готовился стать школьником. А может, потому, что у нас появились свои петушки и курочки.

О них я рассказу ниже, а пока о птичке.

ПТИЧКА-СИНИЧКА

Птичка, точно помню, была синичка. Отец принёс её в начале декабря в большой своей овчинной рукавице. Он возвращался домой утром после ночной смены, а она, видимо, повредив лапку, неуверенно скакала на снегу недалеко от нашей снежной горки.

Синичка жила у нас несколько дней. Она летала под потолком, билась о стекло, сидела на гардине, пряталась в листьях большого фикуса, что стоял в кадучке в углу большой комнаты. Насыпанное ей в чашечку зерно она клевала, когда в комнате никого не было. Едва кому-то из нас — отцу, матери, бабушке или сёстрам — стоило шагнуть за порог комнаты, синичка взлетала и пряталась в фикусе. А ночью её вообще не было слышно. А может, я просто крепко спал и не слышал, как она летала или клевала пшено и пила воду из поставленного специально для неё блюдечка.

На третий или четвёртый день птичка, видимо, поняла, что вырваться ей через окно не удастся, и незаметно перебралась на кухню, притаилась у печки, поближе к входной двери. Она выждала, когда дверь откроется широко, и выпорхнула сначала в сенцы, а потом и на улицу.

Мы с сёстрами тосковали. Младшая, Лена, даже плакала. Она до самого Нового года подбегала к окну и, если в ограде видела синичек, кричала:

— Птичка-синичка прилетела! Наша птичка вернулась! Открывайте двери, открывайте! Сейчас она залетит!

И я бежал к дверям, открывал их и выбегал во двор. Птички сразу взлетали и, быстро махая крыльями, срывались из виду.

Один раз, уже ближе к весне, какая-то синичка села на подоконник и дважды стукнула клювом в окно. Я быстро выбежал во двор, раскрыв двери, но птичка упорхнула.

Мы с сёстрами и бабушкой решили, что это наша синичка захотела проститься с нами, перед тем как улететь в дальние страны.

«РОДНАЯ РЕЧЬ», «БУКВАРЬ» И «КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ»

В конце августа 1964 года случился памятный и даже, наверное, знаменательный день в моей жизни. В один из субботних дней мать собралась ехать на колхозный рынок и взяла меня с собой. Рынок находился в другом конце города, за железнодорожным переездом и самым известным в городе кинотеатром «Победа». Мы сначала ехали на автобусе, а потом ещё шли пешком от остановки. На рынке долго ходили между торговых рядов и прилавков. Покупали продукты, какие-то вещи. Возвращаясь на автобусную остановку, мы зашли в книжный магазин.

Магазин поразил меня обилием книг, стоящих на полках от пола до потолка. Несколько книжек лежали на прилавке, и их можно было взять в руки и посмотреть.

Вот там, на прилавке, я и увидел книжку, на обложке которой были нарисованы сосны, поле и уходящая вдаль дорога. Картинка заворожила меня, и хотя книжка лежала передо мной, я не осмелился протянуть руку, взять её и открыть.

— Купите мальчику «Родную речь» для первоклассников, — посоветовала продавщица матери, заметив любопытство маленького посетителя.

— Да ему ещё рано! Он через год только в школу пойдёт, — отмахнулась было мать.

— Да ничего не рано! — ещё более подогрела мой интерес продавщица. — Будет целый год листать, а если ещё и «Букварь» к «Родной речи» купите ему, то,

РОДНАЯ РЕЧЬ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ
В I КЛАССЕ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

УЧПЕДГИЗ
1963

может, ваш любопытный мальчик и читать научится ещё до школы.

— Нравится тебе книжка? — поддаваясь на уговоры продавщицы, спросила мать.

— Да... — робко ответил я, с мольбою глядя ей в глаза.

Этот взгляд, видимо, и решил вопрос о покупке. По совету продавщицы мать купила мне «Родную речь» с соснами и полем на обложке и «Букварь», на котором были нарисованы школьники с портфелями. Получив в руки желанную книжку, я прижал её к груди и так нёс до самого дома драгоценное приобретение.

Весь тот день я не выпускал из рук «Родной речи». Перелистывал, рассматривая картинки. Увидев меня с книжкой, сестра Ольга тоже потянулась было к ней, но бабушка, предвидя конфликт, протянула ей «Букварь»:

— А эта книжка — тебе.

Обрадованная сестра, подражая мне, прижала книжку к себе, а потом, уединившись за столом, долго её перелистывала и рассматривала картинки. Так мы и сидели до самого вечера. Каждый со своей книжкой.

Вечером мать, управившись с домашними делами, посадила на диван рядом с собой Ольгу и вторую мою сестрёнку — годовалую Лену, позвала меня и, открывая по очереди «Родную речь» и «Букварь», указывая нам на картинки, стала читать то, что было написано под ними.

И нередко потом осенними вечерами и в выходные зимние дни мать читала нам стихотворения и короткие рассказы из этих книг, обращая наше внимание на рисунки и рассказывая, какая буква стоит в верхнем левом или правом углу страницы.

Мне хватило нескольких таких вечеров, чтобы не только запоминать название букв, но и то, как они произносятся.

Ближе к весне я уже сам читал сестрёнкам и про маму, и про раму, и стихотворения про Первое мая, Седьмое ноября и Новый год, поражая своими успехами мать, отца, бабушку и иногда заходившего в гости к нам деда по отцовской линии.

Примерно в апреле 1965 года, когда мы с матерью снова зашли в тот же книжный магазин, я уговорил её купить тоненькую книжку, на которой был нарисован зелёный крокодил, держащий в своей пасти красное солнце. Не помню, что больше вызвало моё любопытство: то ли название книжки — «Краденое солнце», то ли имя и фамилия автора привлекли меня своей необычностью — Корней Чуковский, — но книжку мне мать купила тогда, не задавая никаких вопросов. И я прочёл за один день историю в стихах, как злобный крокодил проглотил солнце и наступила по всей земле темнота, пугающая зверей в лесу, а добрый и сильный медведь, победив крокодила, вернул солнце на небо. Эта была первая моя прочитанная от начала до конца книжка, о чём я с гордостью рассказывал всем своим родным и знакомым и в доказательство читал запомнившиеся мне, особо оставившие впечатление строки.

Конечно же, самое начало:

*Солнце по небу гуляло
И за тучу забежало.
Глянул заилька в окно,
Стало заильке темно.*

Про страшную темноту:

*Наступила темнота.
Не ходи за ворота:
Кто на улицу попал —
Заблудился и пропал.*

Про двух смелых баранов:

*Рано-рано
Два барана
Застучали в ворота:
Тра-та-та и тра-та-та!
«Эй вы, звери, выходите,
Крокодила победите,
Чтобы жадный Крокодил
Солнце в небо воротил!»*

И так далее. Мне верили. Особенно после прочтённых наизусть строк.

В школу я пришёл, не только умея читать, но и зная наизусть многие стихи, опубликованные на страницах «Родной речи» и «Букваря». Едва учительница открывала какую-нибудь страницу учебника, как я тянул руку и рассказывал наизусть о том, что на этой странице под или над картинкой написано.

Позже я узнал, что картинка на обложке книги, так заворожившая меня, дошкольника, — репродукция картины Ивана Шишкина «Рожь». Поле, сосны, дорога ждут приближения дождя. Он приближается к ним в виде надвигающихся облаков, нарисованных вверху картины. И то, что будет дождь и, возможно, гроза, предвещают низко летающие встревоженные ласточки. Их, если приглядеться внимательно, можно увидеть внизу картины.

В ШКОЛУ!

Конечно же, узнав, что книжки, которые купили мне, а вернее, нам с сестрой Ольгой, называются «Букварь» и «Родная речь» и что по ним школьники-первоклассники учатся читать, я загорелся желанием поскорее стать школьником.

Помню, с какой завистью я смотрел на уходящих в школу первого сентября 1964 года первоклассников из нашего дома — Витьку Чугунова и Ирку Соколову. Школьная форма вызывала восхищение. Витька — в новом костюме и брюках, Ирка — в платье с белым воротничком и в белом фартуке. Первоклассники шли рядом с родителями и в руках несли большие букеты цветов.

— Ну не грусти уж так-то, — сказала мне бабушка, когда я, печальный, воротился домой, проведив до угла дома уходящих школьников. — На следующий год, даст Бог, и ты так же в новом костюме и с цветами в школу пойдёшь. Быстро время пролетит, не заметишь...

Время действительно пролетело быстро. Или мне это так кажется сейчас, что быстро? Наверное, тогда для меня время всё-таки шло по другим законам и не торопилось. Не торопилась уходить осень, надолго задержалась зима, что даже в марте жгла морозами за тридцать, не спешила расставаться и весна. В середине мая, когда распустились все листочки на деревьях и в нашем палисаднике среди зелёной травы появились жёлтые цветы, как я узнал позже — одуванчики, я обрадовался, что уже наступило лето, но

бабушка меня разочаровала, сообщив, что май по календарю — ещё весна, а лето наступит только через две недели. А потом было лето — наверное, самое бесконечное и долгое в моей жизни. Как, наверное, самым долгим до бесконечности показался мне и год — от сентября 1964-го до сентября 1965-го.

Я ждал сентября и был уверен, что обязательно стану школьником и надену такой же школьный костюм, как и Витька Чугунов.

А ведь я мог и не стать в тот год первоклассником и ещё на целый остаться дома. Дело было в том, что семь лет мне исполнялось двадцать восьмого сентября, а в школу принимали тех, кому до первого сентября исполнилось семь.

Это я сейчас догадываюсь, что родители мои, ничего не сообщая мне, смирились с тем, что мне придётся ещё один год провести дома, в компании бабушки и младших сестёр.

Так бы, наверное, и случилось, не забей я тревогу.

В конце августа мои друзья-сверстники: два Сашки — Чугунов и Стефаненко, Валерка Куликов, — с гордостью сообщили мне, что родители их водили в школу и записали в первый класс.

— А меня не хотели принимать, — рассказывал Сашка Чугунов, — у меня день рождения второго сентября потому что. Но мой отец как топнул ногой: «Моему ребёнку что, из-за одного дня, по-вашему, целый год дома сидеть?» — и меня сразу записали. Ты скажи своему, путь тоже топнет там, и тебя запишут.

Вечером, когда отец собирался в ночную смену на работу в вагонное депо, я, в присутствии матери и

бабушки, сообщил о том, что всем мои одноклассники уже записались в первоклассники.

— Ну отведи его, Коля, завтра в школу, может, всё-таки запишут, — попросила мать отца.

На другой день я проснулся задолго до ухода матери на работу и стал ждать прихода отца. Он пришёл со смены около девяти утра, умылся, позавтракал, и мы пошли с ним в школу.

Много раз проходил я мимо этого большого белого одноэтажного здания с широкими окнами, начинающегося от улицы Шлакоблочной, тянущегося большей частью по улице Партизанской и поворачивающегося на улицу Свободы. Оно называлось загадочным для меня словом — «школа». Со школьного двора слышались и доносились до дома нашего трели школьного звонка, на переменах из дверей выбегали шумные ребятишки, а осенними и зимними вечерами в окнах, освещённых ярким светом, можно было видеть с перекрёстка улиц Партизанской и Свободы школьников, сидевших за партами, и учителей у школьной доски.

Ах, как мне хотелось туда, к ним!

И вот я шёл в школу, правда, пока не учиться, а записываться в школьники. Шёл с отцом в августе 1965 года и впервые в своей жизни переступил школьный порог. Широкий коридор, большие двери классов, цветы на подоконниках, бюст Володи Ульянова в светлом углу возле открытых дверей — всё увиденное производило на меня сильное впечатление. Вот она какая, школа!

Мы шли с отцом по пустому коридору, осторожно ступая, словно боясь нарушить священную тишину. Из

открытой двери, у бюста юного Володи Ульянова, вышла женщина и, увидев нас, поздоровавшись, сказала:

— Если вы записываться в первый класс, то уже поздно. Мы набрали в два класса по сорок человек. Больше нам гороно, если даже захотим, не позволит. Я завуч школы, директор сейчас поехала как раз в городской отдел образования, мне сказала, что если кто-то придёт записываться, чтобы я отправляла в школу номер восемьдесят пять, это новое здание, знаете, в начале улицы Шевченко.

— Да, — кивнул отец, — знаю. Нам бы, конечно, было бы сподручнее здесь. Мы тут близко, в двух шагах от вашей школы, живём, по Шлакоблочной.

— Ну что вы раньше-то не пришли? Мы с июля запись вели. Некоторых из вашего дома записали.

— Да, знаете ли, я сомневался, парень-то наш родился в конце сентября, примут ли его в этом году...

— Это дело, конечно ещё больше усложняет, — глядя на меня, сказала завуч. — Боюсь, что и в восемьдесят пятой школе тоже могут не принять. Насколько знаю, там в этом году аж три класса первых комплектуют и уже, наверное, скомплектовали. Откуда столько ребятшек взялось вдруг? В последние годы прямо мест не хватает. В прошлом году взяли одного октябрьского мальчика в первый класс и нагоняй от гороно получили.

Я стоял рядом с отцом, низко опустив голову. До моего детского сознания стала доходить нерадостная мысль о том, что в эту школу я приду теперь в лучшем случае через год, а в худшем, если меня запишут в другую школу, не приду совсем. Сашка Чугунов, Валерка

Куликов, Сашка Стефаненко пойдут первого сентября в школьной праздничной форме с цветами, а я буду их провожать до угла дома, как в прошлом году провожал Ирку и Витьку. Слёзы подступали к моим глазам.

Отец уже было попрощался с завучем и потянул меня за руку по направлению к выходу, но тут в коридор вошли две женщины. Они подошли к нам, остановились и поздоровалась.

— А вы меня не узнаете? — спросила одна из них отца.

— Нет... — покачал головой несколько растерявшийся отец.

— Я Валентина. Я жила на вашей улице и каждый год первого сентября брала цветы у вашей мамы, Анны Веденеевны. Помните?

— А, это та Валентина, которая потом на учительницу уехала учиться? — вспомнил отец. — Ну, вас сейчас не узнать...

— Да, я закончила педучилище четыре года назад, и уже один выпуск начальной школы у меня состоялся в этом году. Учила ребятшек с первого по четвёртый классы, а сейчас второй набираю. А это ваш сынок?

— Да, Сергей, — кивнул отец. — Пришли в школу записываться, но опоздали.

— Ну, может, и не опоздали, — улыбнулась учительница. — Может, сейчас и запишем Серёжу ко мне в класс.

— Да, понимаете, тут ещё дело и в том, что ему семь лет только двадцать восьмого сентября исполнится...

— У вас свидетельство о рождении Серёжино с собой? — спросила учительница.

— Да, с собой, я и паспорт свой взял, — сказал с готовностью отец.

— Мы сейчас были в гороно, и нам там разрешили поставить в классы дополнительные парты и принять ещё по пять человек. Пойдёмте, директор со мной пришла, поговорим с ней.

Вот так, благодаря стечению обстоятельств и случайной, а может, и не случайной встрече со своей первой учительницей Валентиной Александровной, я был записан в первый класс и первого сентября, в новой школьной форме, с большим букетом из георгинов и астр, вместе с друзьями-одногодками, счастливый, пошёл в школу. В одном классе со мной, первом «Б», стали учиться Сашка Чугунов и Венера Мусифулина из нашего дома, Сергей Негриенко из дома девятнадцать «А». А Валерка Куликов и Сашка Стефаненко попали в первый «А».

Про начальную школу номер сорок пять, где я начинал учиться, можно было бы рассказать много интересных историй, что я, может быть, и сделаю в отдельной книжке. А в этой, поскольку с самого начала было заявлено, что речь пойдёт о доме на улице Шлакоблочной и о том, что с ним связано, я от чисто школьных историй воздержусь, но расскажу о том, где события, начавшиеся дома, продолжались в школе и наоборот.

Например, о том, как на новогоднем утреннике я был Котом в сапогах. Вернее, как готовили мне новогодний костюм.

КАК Я БЫЛ КОТОМ В САПОГАХ

Одной из первых прочитанных мною детских книжек была раскрашенная брошюрка «Кот в сапогах». Примерно в середине декабря в школе стали готовиться к новогодним утренникам, и Валентина Александровна поочерёдно спрашивала нас, какие сказки мы любим и в костюмах каких героев смогли бы прийти на утренник.

Неожиданно для самого себя я назвал любимым своим сказочным героем Кота в сапогах и вызвался прийти на ёлку в костюме персонажа сказки.

Дома я заявил родителям и бабушке, что меня назначили быть на новогоднем утреннике Котом в сапогах. Взрослые восприняли это как поручение им от педагогического коллектива школы и сразу включились в дело. От родителей отца — деда Николая Григорьевича и бабушки Анны Веденеевны, живших отдельно и далеко от нас по улице Партизанской, — принесли дедову шляпу, к которой прикрепили белое пушистое куриное перо. Жившая с нами бабушка Анна Ивановна съездила в деревню Серафимовка к своей старшей дочери — сестре моей матери тёте Вере — и привезла оттуда старенькие, но хорошо выглядевшие, поблёскивающие и лёгкие дерматиновые сапоги (я называл их «герматиновые»), к которым отец прикрутил шпоры, сооружённые из медной проволоки. Из небольшого тёмного покрывала мать сделала плащ-накидку с вязочками на груди. Отец выстрогал из дерева саблю, которую засунули

под его же брючный ремень, продетый в мои ещё дошкольные шорты.

В шляпе с пером, в сером плаще-накидке, подпоясанный отцовским ремнём, с саблей, в шортах и дерматиновых («герматиновых») сапогах со шпорами, я встал перед своими домашними. Сестрёнки, раскрыв рты, смотрели на меня, не узнавая. Бабушка принесла большое зеркало и поставила на стол передо мной.

Выслушав несколько комплиментов в свой адрес и в адрес костюма, я остался было доволен, но, глянув в зеркало ещё раз, спросил всех смотревших на меня:

— А усы?

— Ой! И правда! — воскликнула мать и спустя пару минут принесла мне заштрихованный чёрным карандашом прямоугольник из плотной бумаги.

— Похоже на усы, — примерив, сказала она.

Чтобы нарисованные усы держались под носом, к ним решили сделать вязки из белых ниток. Вязки наделились на уши.

— Ну вот, и ниток почти не видно, — сделала вывод мать, закрепив усы и натянув мне шляпу почти на глаза.

Новогодний костюм мой был одобрен и дедом, приходившим приглашать нас к нему в гости на Новый год.

День школьного утренника выпал на середину недели. Но мать отпросилась на один час в обед, проводила меня в школу и помогла надеть там костюм. Общешкольный утренник проходил у ёлки,

Мои первые книжки

Ш. Перро

КОТ
В
САПОГАХ

Издательство
„Детская литература“

выставленной в коридоре. Дети приходили с костюмами в свои классы, там переодевались с помощью родителей, учителей или одноклассников и выходили к ёлке.

Когда я вышел в большой круг к нарядной ёлке, вокруг неё уже ходили четыре Деда Мороза, две Снегурочки, несколько Снежинок, Баба Яга, Буратино, Ковбой в сомбреро. Костя Лавренов изображал Бармалея. В помятой чёрной шляпе, с нарисованными усами, в трико и с большим пистолетом его было не узнать. Его сестра Люба, учившаяся в нашем классе, была одета в школьный фартук и красную вязаную шапочку. Высокая, как и её брат, она выделялась на фоне не только спящих рядом Снежинок, но и Сашки Чугунова, который представлялся всем пиратом, расхаживая в резиновых сапогах и красной рубашке. Правый глаз его был завязан голубой лентой.

Потом появился ещё один большой Дед Мороз, с мешком на плече. Я, как и многие из нашего класса, внимательно присмотревшись, узнал под бородой, усами и шапкой нашу учительницу Валентину Александровну. С Дедом Морозом пришла Добрая Волшебница — директор школы. Дед Мороз вызывал ребят по очереди к ёлке и просил рассказать о своих костюмах, героях сказок и прочитать стихотворения, а Волшебница, взмахнув палочкой, извлекала из мешка подарки и раздавала выступающим.

— А вот пришёл к нам на праздник — встречу Нового года — издалека, из заморских стран Кот в сапогах, — обратился вдруг ко мне Дед Мороз. — Это не просто кот, который надел сапоги, а кот учёный,

он много книжек прочитал. Он даже, наверное, знает, кто автор книжки про Кота в сапогах. Ну, скажи нам, Котик, кто написал сказку про тебя?

— Шарль Перро! — не раздумывая, выкрикнул я, вспомнив фамилию автора на обложке книжки.

— Молодец, Котик! Иди сюда. Получи свой подарок! — пригласил меня к ёлке Дедушка Мороз — наша учительница Валентина Александровна. — А мы, ребята, давайте похлопаем ему.

Я шагнул к ёлке под дружные хлопки и получил из рук Доброй Волшебницы подарок, которым долго гордился и долго не решался съесть. Я получил маленькую шоколадку, на которой был нарисован Кот в сапогах.

Потом ещё дважды, во втором и третьем классах, я был на утренниках Котом в сапогах. Кое-что менялось в моём наряде. Плащ, сабля, вместо шорта я надевал брюки. Усы мне то рисовали акварельной краской, то приклеивали кусочки шерстяной ткани. Оставались неизменными в наряде бабушкины сапоги и дедова шляпа с куриным пером. За костюм и рассказанные стихотворения я всё время получал подарки. Какие — если честно, не помню. В памяти осталась только маленькая шоколадка с Котом в сапогах на обёртке. Да ещё фотография с утренника, сделанная во втором классе, в декабре 1966 года. Там, в окружении Снежинок, Деда Мороза, Ковбоя и Буратино, я в шляпе и плаще. Правда, усов под носом почему-то не видно.

ФИЛЬМОСКОП

Ещё одна история, которая связывает школу и наш дом на улице Шлакоблочной, — рассказ про фильмоскоп.

Всё началось в школе. В феврале 1966 года, после второго урока, Валентина Александровна вдруг объявила нам, что мы сейчас будем смотреть кино.

На перемене два третьеклассника помогли учительнице занавесить окна плотными шторами. Валентина Александровна поставила на одну из парт в середине класса чёрную коробку с глазком как у фотоаппарата.

— Ребята, если кто не знает — это фильмоскоп, — пояснила нам учительница. — В него вставляется плёнка, похожая на фотографическую, но уже с проявленными картинками. Аппарат включается в розетку, загорается лампочка, которая проецирует изображение на экран или на стенку, и можно смотреть диафильм.

— А у нас есть такой! — выкрикнул Сергей Негриенко. — Мы дома смотрим.

— Ну и хорошо, Серёжа, раз ты уже знаком с фильмоскопом, будешь мне помогать. Ты будешь крутить плёнку, а я буду читать то, что написано под картинками.

С помощью ещё одного Сергея — Горбунова, самого высокого из мальчишек в нашем классе, и Любы Лавреновой Валентина Александровна повесила на школьную доску белый экран, принесённый

из учительской. В классе погасили свет и настроили картинку.

То, что я увидел и пережил потом, запомнилось надолго.

К тому времени я уже не один раз бывал в кино, видел, как ходят, разговаривают на экране артисты, но чтобы в школьном классе, на школьной доске вот так просто появились картинки...

Это было новое для меня, и это новое не сразу находило место в моём понимании окружающего мира.

Диафильм назывался «Аладдин и волшебная лампа». Чёрно-белые картинки, возникающие на экране в тёмном классе, неторопливый голос учительницы, читающей, что написано под картинками, и приключения главного героя заставляли взволнованно биться моё сердце. Когда же Аладдин спустился в подземелье за волшебной лампой, стало по-настоящему страшно.

Я осторожно оглянулся. Некоторые из моих одноклассников тоже переживали нечто подобное. Они сидели тихо и не дышали. Злой колдун, мрачное подземелье, великан-джинн, появившийся из лампы, — всё это явилось к нам из какого-то другого, не ведомого нам мира. Знавшие до этого дня сказки из книжек про Ивана-царевича, Серого волка, Емелю, лежавшего на печи, Золушку, многие из нас, впервые увидевшие в тот день фильмоскоп и картинки, проецируемые им на экран, откровенно растерялись и даже испугались от восприятия нового. И хотя в конце сказки всё закончилось для

Аладдина хорошо, многие мои одноклассники не нашли слов для выражения своих чувств. Все вздохнули с облегчением, когда тяжёлые шторы на окнах раздвинули и класс наполнился естественным дневным светом.

Под впечатлением увиденного, задумчивый и невесёлый, я медленно побрёл из школы домой. Не знаю, долго ли бы я шёл так, раздумывая, но морозец и ветерок в лицо с белой позёмкой заставили ускорить шаг.

А дом в этот субботний день был наполнен радостью и весельем. Из поездки вернулся отец. Он со своим братом — моим дядей Игорем — во время отпуска ездил в город Ригу к своим знакомым и вернулся с подарками.

Подарки были всем. Матери, бабушке, сёстрам.

— А самый большой подарок — тебе, — сказал отец, протягивая мне запечатанную коробку.

Я взял её, а когда увидел, что на ней написано, замер. «Фильмоскоп Ф-49».

— Ты что как неживой? — спросил отец. — Сейчас откроем коробку, узнаешь, что это такое, — обрадуешься. Ты же кино любишь смотреть.

— А я знаю. Нам сегодня кино показывали по фильмоскопу, — сказал я, продолжая держать коробку с фильмоскопом.

— Ну и хорошо, раз знаешь уже. Будешь у нас киномехаником.

Отец открыл коробку и достал оттуда фильмоскоп. Это был совсем другой, не похожий на школьный, аппарат. Он стоял на подставке, словно

на санях, вытянутый вверх. Спереди, как ствол у танка, выделялся длинный объектив. В объективе была прорезь, куда вставлялась рамка с колёсиком. В рамку вставляли плёнку, а за колёсико её прокручивали. И на цвет этот наш фильмоскоп был приятнее школьного чёрного. Синевато-матовый.

— Ещё две плёнки к нему есть, Цветные. Так что вечером кино смотреть все будем, — сказал отец.

— Ура! Кино! — захлопала в ладоши сестра Ольга. — Будем дома смотреть кино!

Наступления вечера я ждал с нетерпением и осторожностью. Ещё свежи были впечатления от просмотра днём фильма про Аладдина и волшебную лампу.

Фильмы решили смотреть, проецируя их на стенку возле моего дивана. Для этого отодвинули большой фикус. Радиоприёмник не помешал. Отец настроил экран выше него.

— Давай, механик, крути, а мать читать будет! — скомандовал отец, когда включили фильмоскоп и на стене появился белый квадрат.

Все уселись на бабушкину кровать. Я осторожно подошёл к фильмоскопу и с волнением повернул чёрное колёсико.

— «Сказка о попе и о работнике его Балде», — прочла мать, — А. С. Пушкин. «Жил-был поп, толконный лоб...»

Уже первые цветные картинки этой сказки заставили улыбнуться всех, кто смотрел диафильм. Улыбался и я. Осадок от дневного фильма

рассеивался, и мне уже было ясно, что у нас дома будет совсем другое кино.

Хорошее впечатление оставил и второй фильм, «Крошечка-Хаврошечка». Печальный, но светлый.

Потом у нас появились другие диафильмы. Я обменивался плёнками с братьями Негриенко из дома девятнадцать «А».

Время от времени в спальне или на кухне мы включали наш фильмоскоп и смотрели диафильмы. Телевидения тогда ещё в Тайшете не знали.

Ещё бóльшую роль сыграл в нашей, и в частности моей, жизни наш фильмоскоп, когда я стал постарше и мы переехали в новую квартиру. Но об этом тоже — в следующей книге.

ВАГОНЕТКА

Наш дом от домов, приписанных к улице имени Тараса Шевченко, разделяла площадка, на которую выходило окно нашей двенадцатой квартиры. Из окна хорошо был виден и высокий забор на перекрёстке Партизанской и Тараса Шевченко. Угол забора постоянно недосчитывался двух-трёх штакетин, и через этот проём взрослые и дети попадали на территорию так называемой «фазанки».

В то время я, конечно, не задумывался, почему огороженные забором футбольное поле, два одноэтажных и одно трёхэтажное здание все называли «фазанкой». Став немного старше, узнал, что за забором находится территория профессионально-технического училища и что в былые времена такие училища, где обучали молодёжь рабочим специальностям, в стране именовались школами фабрично-заводского обучения — школами ФЗО. Школы эти в просторечии окрестили «фазанками», а учащихся школ — «фазанами» (особенно интриговало слово «фазаны́» с ударением на последнем слоге). В середине шестидесятых годов двадцатого столетия фабрично-заводское обучение повсеместно заменили на профессионально-техническое, сменив название учебных заведений, но в народе ещё примерно с десятков лет, а то и больше, профтехучилища называли «фазанками».

Через дыру в заборе «фазанки» смело пролазили маленькие дети, подростки, взрослые и даже старики. Детвора возле футбольного поля ловила бабочек,

пацаны постарше бегали по полю за мячом, а взрослые и старики прилично сокращали себе путь, если прокладывали маршрут через футбольное поле, мимо учебного корпуса, выходя на улицу Крупской, а потом к центральному гастроному или автобусной остановке на улице Гагарина.

И ещё один повод был у взрослых и подростков проникнуть через дыру в заборе на территорию «фазанки». Там располагалась столярка — столярная мастерская, от которой на полутораметровой высоте тянулась метров на двадцать узкая железнодорожная колея. Иногда на рельсах появлялась вагонетка, гружённая опилками и оставшимися после распиловки кусками дерева — опилами. Опилки и опилы катили по сложенной из шпал со сбитых досок возвышенности и высыпали по обоим краям в конце пути. Вот за этими опилками и опилами ходили с мешками и ведрами взрослые и подростки. Опилки применялись на подсыпку в сараях, где многие жители близлежащих от «фазанки» домов держали курей и поросят. Опилы большей частью шли на растопку или в качестве подставок под сковородки и цветочные горшки.

Среди пацанов моего возраста и чуть постарше считалось за счастье прокатиться на вагонетке. Особенно когда она оставалась на рельсах без присмотра. Это был праздник! Человек по десять, а то и по двенадцать окружали вагонетку. Самые смелые (четверо-пятеро) с восторгом забирались в неё пассажирами, а остальные (катальщики) с не меньшей радостью начинали возить их по узкоколейке до мастерской и обратно. Иногда разогнанная вагонетка набирала сумасшедшую скорость

и, уже не контролируемая толкающими, врезалась с ходу в двери столярной мастерской или упор тупика. Случалось, что и переворачивалась и даже падала вниз. Как говорили, «уходила под откос». Удивительное дело: на моей памяти не было ни одного несчастного случая. «Пассажиры» пущенной «под откос» вагонетки, приземлившись, в худшем случае отделялись царапинами и лёгкими ушибами, в лучшем — небольшим испугом. Выбираясь из рухнувшей на землю вагонетки, они с хохотом и визгом бежали вслед за далеко уже умчавшимися от них катальщиками.

Но чаще дело до аварий не доходило. Катания наши прекращали выбежавшие вместе с мастером из столярки «фазаны» или сторож. Завидев их, ребятня стремглав мчалась к спасительной дыре в заборе и покидала территорию «фазанки», а вагонетку загоняли в мастерскую.

Зато сколько потом было впечатлений! Бурные, с перебивкой друг друга, эмоциональные рассказы тех, кто был пассажиром, и тех, кто толкал. Во дворах нашего и соседних домов пацанов не принимали в компанию, если они хоть один раз не прокатились на вагонетке. Да таких, наверное, в возрасте от шести до двенадцати лет у нас и не было.

И я не скрывал восторга, впервые прокатившись на вагонетке. Хорошо помню, как я был счастлив тем, что за лето 1965 года (а может, 1966-го, сейчас точно не скажу), мне удалось целых два раза прокатиться по «фазанской» узкоколейке и, что не менее важно, ни разу не перевернуться и не быть застуканным при этом ни сторожем, ни «фазанами» с мастером.

ТРАМПЛИН

Осенью 1965 года я пошёл в первый класс. Зима в тот год выдалась ранняя и снежная. Уже в ноябре мой родной Тайшет был завален сугробами. Улицы города расчищались бульдозерами, и там, где проходила стальная техника, оставались по краям большие снежные отвалы. В центре города их убирали, а на других улицах они лежали до весны. Позёмка наметала на них новый снег, и у заборов образовывались снежные горы высотой с забор и выше.

Снегом в ту зиму завалило и забор профтехучилища — «фазанки», закрыв до весны дырку-лазейку. На месте забора образовался длинный снежный завал высотой около трёх метров. Смышлёная наша детвора, конечно же, не оставила образованную вдруг горку без внимания. Малыши-дошкольники начали рыть внутри ходы и строить снежные домики, а ребята постарше проложили через горку лыжню. С трудом забираясь вверх на гору, они лихо потом скатывались на лыжах вниз, к заснеженному футбольному полю профтехучилища. Вокруг поля, а также поперёк и вдоль его едва ли не каждый умеющий стоять на лыжах прокладывал свою лыжню. Но самая большая и длинная, вокруг футбольного поля, была предназначена для тех, кто имел неширокие лёгкие спортивные лыжи с железными креплениями и лыжными ботинками. На детских широких лыжах туда не подпускали. Владельцы красивых спортивных лыж следили за этим строго.

Всегда переполненная ребятей горка, массовые катания на лыжах по футбольному полю способствовали тому, что и у меня появились свои лыжи. Их мне купили в декабре, недели за две до новогодних школьных каникул. Деревянные коротенькие детские лыжи — «Уссурийские», с круглой эмблемой у загнутого носка, на которой был изображён тигр. Ни креплений, ни лыжных палок к таким лыжам не полагалось. Нужно было просто сунуть ноги, обутые в валенки, в брезентовые ремешки — и можно было, скользя по снегу, ехать в любом направлении. Отец мой толк в лыжах знал и смазал мне их перед первым выходом на снег то ли медвежьим, то ли барсучьим, то ли гусиным жиром. Лыжи скользили, и я, на зависть тем моим сверстникам, что лыж ещё не имели, сразу же подался к «фазанской» горке с мечтою преодолеть её и скатиться с ветерком на лыжню футбольного поля.

Немало усилий мне понабилось, чтобы забраться без лыжных палок на горку. Спина моя была мокрой, когда я, наконец, достиг вершины и рискнул скатиться вниз по уже хорошо укатанному скользкому спуску. Когда, карабкаясь, поднимался наверх, то несколько не сомневался, что лихо, на зависть смотревшим на меня сверстникам, помчусь с горы, но когда оказался на высоте и глянул вниз, коленки мои затряслись.

— Давай! — кричали мне снизу безлыжные ребяташки. — Катись!

— Не бойся! — крикнула мне соседка, второклассница Ирка Соколова.

Это её напутствие придало мне смелости, и я покати.

Не помню, закрывал ли я глаза и свистел ли у меня в ушах ветер, но то, что сердце моё замерло, это точно. Как точно то, что я упал лицом в снег и правая лыжа укатилась дальше, чем я сам. Левая осталась на ноге, но воткнулась в снег загнутым носком.

Конечно, видевшие моё падение смеялись. И чтобы доказать, что падение моё случайно, я снова вкарабкался на горку.

Ещё раз два или три я падал в тот день и терял лыжи, но всё-таки добился того, что, наконец, съехал с горы, устояв на ногах.

Домой, конечно же, я пришёл мокрый, с полными валенками снега, за что получил нагоняй от матери и бабушки. Бабушка помогла мне снять валенки и поставила их сушиться на печку.

Несмотря на неприятности, я был доволен собой и уже мечтал, как завтра, после того как приду из школы, снова отправлюсь покорять на своих лыжах горку.

На следующий день, едва дождавшись окончания уроков, я прибежал домой и, не раздеваясь, вручил на пороге ранец встретившей меня бабушке, схватил стоявшие в сенях лыжи, за калиткой вдел валенки в ремешки и покатыл к горке.

То, что я увидел там, меня удивило. Малышня и ребята постарше стояли и смотрели, как двое пареньков-старшекласников укладывают со стороны пустыря, в нескольких метрах от горки, снег и утрамбовывают его деревянными лопатами.

Пареньки эти, Руслан и Владик, жили далеко от нас, за профтехучилищем, на улице то ли Суворова,

то ли Гагарина, но постоянно приходили на лыжах кататься с нашей горы. Учились они, наверное, классе в седьмом или даже восьмом и для первоклассников казались взрослыми. Особенно Владик. Он всегда приезжал на горку на лёгких тоненьких импортных, как говорил сам, лыжах, в спортивном синем с белой полоской по рукавам костюме и в такую же полоску синей шапочкой на голове. На руках его всегда были вязаные синие перчатки. Когда Владик съезжал с горки, все останавливались и смотрели. Как настоящий спортсмен, Владик перед спуском низко приседал, выпрямляясь во время движения, и вставал в полный рост, оказавшись на лыжне, легко орудуя палками. Никто на нашей горке не мог показать такого мастерства, как он. Даже Руслан, который приезжал в телогрейке и шапке-ушанке, и лыжи у него были хотя и с креплением, но отечественного производства.

— Трамплин делают, — сказал мне Витька Чугунов, старший брат моего одноклассника Сашки.

— Ну что, мелюзга, стойте, смотрите? — спросил нас подошедший к нам Владик.

Мы, собравшиеся человек десять ребятишек, стояли перед ним, как перед учителем, и молчали.

— Ну стойте, стойте. Смотрите, — разрешил нам Владик. — Но знайте: к трамплину на пушечный выстрел никого не подпущу, а кого поймаю — по затылку получит. Понятно?

— Понятно, — ответил за всех Витька Чугунов.

Среди нас, собравшихся в тот день у горки, он был старшим по возрасту и учился уже в третьем классе.

— Ну и хорошо, — сказал Владик обращаясь к нему. — Вот ты, как самый большой, будешь отвечать за трамплин, чтобы никто сюда не совался, руки-ноги не ломал, шею себе не сворачивал. Понял?

— Да, — кивнул Витька.

Мы с Витькой и ещё несколько малышей, не потерявших интереса к происходящему, дождались, когда Владик с Русланом закончили утрамбовку снежного вала и стали прокладывать новую лыжню.

Вал, примерно в полметра высотой и метра в полтора длиной, возвышался сугробом на ненакатанной местности. В эту сторону, сторону пустыря, никто не катался. Видимо, помня, что под снегом забор, все стремились съехать через него на футбольное поле, на полузапретную территорию «фазанки». Наверное, поэтому старшеклассники и решили сделать трамплин в новом месте. Руслан, а следом Владик раза три медленно спускались с горки, перекатываясь через вал, прокладывали лыжню дальше трамплина метров на десять. После того как образовалась новая накатанная лыжня, Владик решил опробовать трамплин.

Он снова поднялся на горку и, как мы уже не один раз видели, присел, перед тем как скатиться.

— Поехал! — крикнул он и, оттолкнувшись лыжными палками, помчался, как всегда, легко. На самом спуске он выпрямился во весь рост, но перед трамплином присел снова.

То, что я увидел дальше, лишило меня сна и аппетита. Владик стремительно въехал на трамплин, лыжи его оторвались от снега, и он полетел. Мне показалось тогда, что лыжи его сами умеют летать, что где-то в

них спрятан невидимый моторчик или пропеллер и они несут Владика вверх и вдаль — в небо. В середине шестидесятых годов в Тайшете ещё не было телевидения, в кино мы, малышня, ходили редко, а потому видели летающего лыжника впервые.

Владик, пролетев несколько метров, приземлился на заснеженном пустыре и, довольный своим полётом, возвращаясь на горку, похлопал по плечу Витьку Чугунова.

— Вот так! — сказал он ему. — А ты говоришь...

Малыши, видевшие полёт Владика, смотрели на него с восхищением.

Взволнованный, я воротился домой. Отодвинув тарелку с горячими, с дымком, пельменями, поставленную передо мною бабушкой, сел за уроки. Но буквы и цифры плясали на страницах учебника и тетрадки. Тогда я лёг на диван и стал думать о трамплине. О том, смогу ли однажды вот так, как Владик, взлететь с него и приземлиться, не упав.

— Не заболел ли? — спросила меня бабушка, предложив смерть температуры.

— Нет, — сказал я ей, отказавшись от градусника. — Устал просто...

— Ну, отдохни, полежи, не высыпaeшься, видно... — сказала бабушка, поправляя мне подушку.

Спал я плохо и на следующий день на уроках слушал учительницу невнимательно, за что получил от неё замечание.

Приближались зимние каникулы, в школе готовился новогодний утренник. Учительница распределила нам всем роли, которые мы должны были играть

на утреннике, и я, увлѣкшись, ненадолго забыл о трамплине.

Первые дни зимних каникул накануне Нового года выдались морозными. Окна покрылись толстым льдом и снежными узорами. Дня два или три я не выходил из дому. А сразу после новогоднего праздника решился. Едва дождавшись рассвета, я встал, оделся потеплее, поднял воротник пальто и даже завязал шарфик.

В доме ещё спали, когда я тихонько вышел в сени, взял лыжи. Сунув валенки в ремешки, заскользил к горке. Несмазанные несколько дней лыжи сначала плохо скользили по снежной дорожке, но ближе к горке раскатались.

На горке никого не было, да и во всей округе в это морозное утро не было ни души. Осторожно ступая по выступам, проложенным лыжниками, я забрался наверх, подъехал к краю с той стороны, где внизу располагался трамплин.

Сверху снежный вал показался мне высоким, и я, представив себя взлетевшим с него, испугался. Как я буду приземляться? Я старался вспомнить, что делал Владик при приземлении, но вспомнить не мог. Страх всё больше овладевал мною. Что делать — вернуться домой или всё же попробовать съехать вниз, на трамплин, а там будь что будет?

«Если не сейчас, то потом уже никогда», — примерно так подумал я и покатил. Неожиданно для самого себя оттолкнулся и поехал...

Конечно, я тут же забыл, что при спуске нужно присесть, а внизу распрямиться и присесть снова

перед трамплином, как это делал Владик. Я мчался с горы и видел перед собой только огромный, всё нарастающий снежный вал. Мои лыжи внесли меня на этот вал-трамплин, и я взлетел, а когда понял, что лечу, закрыл от страха глаза...

Ничего не видя, не слыша и не чувствуя, я упал в снег. Сначала на спину, потом перевернулся на бок, на живот и, уткнувшись лицом в снег, замер.

Руки-ноги не болели, только лицо обожгло снегом. Я не чувствовал никакой боли, но не чувствовал и лыж. Поднявшись и стряхнув с себя снег, начал искать лыжи и... увидел Владика.

Он стоял возле горки, смотрел на меня и хлопал в ладоши своими синими перчатками.

Я тут же забыл про лыжи, подумав, что если сейчас побегу со всех ног к своему дому, то он меня не догонит. Желания получить подзатыльник у меня не было. Мысленно я уже бежал, но ноги мои стояли на месте.

— Молодец, — сказал Владик, подъехав ко мне на своих лыжах. — Это был смелый поступок...

Я молча опустил голову.

— Да не бойся ты, — голос Владика смягчился. — Ты правда молодец, не испугался... Не ушибся?

— Нет, — ответил я тихо, ещё не веря, что подзатыльника не будет.

— Ещё раз хочешь прыгнуть?

— Хочу... — ответил я, хотя больше не хотел ни прыгать, ни отвечать на вопросы Владика, а мечтал скорее оказаться дома.

— Лыжи-то целы?

— Не знаю...

— Найди их, и пойдём на горку. Я покажу тебе, что нужно делать, чтобы на ногах устоять.

Одну лыжу я нашёл в метрах в трёх от того места, где упал, а вторую — чуть подальше. Уссурийская марка не подвела. Выдержала на прочность. Лыжи оказались целыми, и я, надев их, следом за Владиком поднялся на горку.

— Ну, смотри, как я, — сказал Владик, остановившись на краю вершины. — Согни немного ноги в коленках, когда спускаешься, — он показал как, — потом вставай на спуске, — он выпрямился, — а перед трамплином снова приседай. На трамплине, когда подпрыгнешь, выпрямляйся и старайся держать лыжи прямо, а сам чуть наклонись вперёд, — он наклонился. — Понятно?

Я кивнул.

— Ну ладно, смотри...

Владик оттолкнулся палками и помчался вниз.

Быстро достигнув трамплина, он на секунду-две завис в воздухе, а потом плавно опустился на снег. Проехав несколько метров вперёд, развернулся. Снег сверкнул белизной, поднявшись веером, и рассыпался под его лыжами.

— Езжай! — крикнул Владик снизу, и я поехал.

Он ещё что-то кричал мне по ходу моего движения, но я не мог разобрать. Трамплин надвинулся на меня в этот раз стремительнее, чем в первый, и я старался изо всех сделать только одно — не закрыть глаза. Лыжи внесли меня на трамплин, и я вспомнил, что в полёте нужно держаться ровно, чуть пригнувшись...

Перед глазами мелькнуло выглянувшее из-за облаков слепящее зимнее солнце, за ним — острова облаков. Где-то внизу были снег и стоявший на лыжах Владик. Сколько длился тот мой полёт? Несколько секунд и мгновений, но я успел разглядеть и небо, и снег, и Владика, и даже справа от себя серый двухквартирный дом по улице Тараса Шевченко и выглядывающий за ним угол нашего тёмно-красного дома.

Я упал метрах в двух от Владика. На этот раз не на спину, а сразу ткнувшись в снег лицом. Но лыжи не потерял.

— Уже лучше, — сказал мне Владик, помогая подняться. — Ещё раз попробуешь?

Пока я раздумывал, что мне ответить, к горке подъехала отливающая на солнце синевой легковая автомашина и остановилась.

Из неё вышел мужчина в унтах, рыжем полушубке, лисьей шапке и окликнул Владика. Владик помахал ему рукой.

— Мне ехать надо, отец ждёт, — сказал он мне. — В другой раз ещё попрыгаем. Ладно?

— Ладно, — кивнул я, обрадовавшись, что больше прыгать не придётся и сейчас я пойду домой.

— Пстой, — отойдя немного, остановился вдруг Владик. — А хочешь на моих лыжах прыгнуть?

Я растерялся от неожиданного предложения.

— Пойдём, — сказал Владик решительно, подтолкнув меня. — В машине переобуемся.

— Папа, подожди немного, — попросил он, когда мы подошли к мужчине, стоявшему возле

автомобиля. — Пусть парень на моих лыжах с трамплина прыгнет.

— Ну, пускай, — согласился мужчина, открывая передо мной заднюю дверцу автомашины. — Только ботинки твои ему не по размеру, наверное, будут.

— А мы потуже шнурки затынем, — улыбнулся Владик.

Я снял лыжи и пролез на заднее сиденье легкового авто.

В первый раз в жизни я, до того катавшийся по городу только в автобусах, оказался в салоне нового легкового автомобиля. Ярко-синие чехлы на передних сиденьях, дверцы с ручками, светлые стёкла, блестящий руль, встроенная панель радиоприёмника, спидометр и ощущение тепла и уюта произвели на меня незабываемое впечатление.

Как я узнал позже, у отца Владика, мастера цеха из локомотивного депо, была новая, улучшенная модель автомобиля «Москвич-407». С раскладными передними сиденьями, превращающимися в спальные места, с лобовым стеклом, обдуваемым обогревателем, а потому защищённым от запотевания, и многими другими достоинствами, о которых я даже не подозревал.

Такой автомобиль был и оставался многие годы в нашем городе единственным. Я не однажды видел его потом на улицах Тайшета и всегда с теплом вспоминал тот день, когда мне посчастливилось побывать в его салоне. Отец Владика бережно относился к своей машине и много лет оставался верен ей. Я видел этот «Москвич» в Тайшете и в семидесятые годы, и восьмидесятые, и в начале девяностых. Году примерно

Рисунок Анатолия Грешилова

в 1993-м, в конце августа, я, оказавшись в родном городе, проходил по улице Тараса Шевченко и возле железнодорожной поликлиники увидел припаркованный к тротуару знакомый мне «Москвич». Не удержавшись, я подошёл и заглянул в салон. Прошло

почти тридцать лет, но он, казалось, не изменился ни внешне, ни внутренне. Руль, панель радиоприёмника, кресла и, как мне показалось, даже чехлы были те же.

— Интересно? — спросил меня подошедший к «Москвичу» пожилой седой человек.

Я узнал в нём отца Владика, чуть постаревшего, но лёгкого в движениях и с молодой улыбкой на лице, и поздоровался. Он кивнул. Конечно же, он не помнил меня...

Но та встреча произошла потом, почти через тридцать лет, а тогда, морозным утром первого января 1966 года, молодой, широко улыбающийся отец Владика стоял возле открытой дверцы своего нового автомобиля, пропуская меня, а следом Владика в салон.

— Двигайся дальше, — сказал мне Владик, и я продвинулся к противоположной двери. — Снимай валенки, обувай мои ботинки.

Владик переобулся в унты, достав их из-за сиденья, и протянул мне свои ботинки.

День первое января 1966 года я запомнил на всю жизнь. В этот день я совершил свой первый в жизни прыжок с трамплина, впервые в жизни побывал в салоне легкового автомобиля и впервые в жизни встал на настоящие спортивные лыжи, с настоящими лыжными, приспособленными под крепление ботинками...

Когда мы вышли из автомобиля, Владик помог мне встать на лыжи и пристегнул крепления. И хотя шнурки на ботинках были затянуты от души, я чувствовал, что моя нога всё же болтается в них. Помогая себе высокими, тоже не по моему росту, палками, я

забрался на вершину горы. Удивительно, но, едва надев спортивные лыжи, я успокоился, почувствовал себя уверенным и подумал, что на этот раз не упаду. Я без страха подошёл к краю горки, как Владик, оттолкнулся палками и, как он, согнувшись, поехал. Владик ждал меня за трамплином.

И я не упал.

Впервые в жизни в тот день, первого января 1966 года, когда мчался с горы к трамплину на лыжах Владика, я почувствовал себя человеком, уверенным в себе. Как после, через годы, уже набравшись опыта, я без робости начинал и заканчивал абсолютно уверенным в успехе начатое дело, так и в тот раз уверенность летела впереди меня. Я чувствовал, что не упаду, и не упал. Подскочив на трамплине, приземлился как раз в том месте, где стоял ожидающий меня Владик. Владик едва успел отскочить.

— Молодец! — искренне радовался он за меня.

— Ну, парень, будешь лыжником-прыгуном! — сказал мне отец Владика, когда мы снова подошли к машине.

Он ободряюще положил мне руку на плечо.

— А ты, сынок, наверное, будешь тренером, — улыбнулся он Владиду. — У тебя, вижу, задатки к этому есть.

Мы снова переобулись в машине. Владик на прощание, как взрослому, пожал мне руку, и они с отцом уехали.

Больше вместе с Владиком мы с трамплина не прыгали. Он ещё пару раз появлялся на нашей горке вместе с Русланом. Увидев меня, улыбался и даже

Рисунок Анатолия Грешилова

махал рукой. Позже, уже летом, я несколько раз видел его на спортивном двухскоростном велосипеде с гнутым рулём. Проезжая мимо меня, он кивал на моё приветствие. Года через два, когда мы переехали со Шлакоблочной, я встретил его на стадионе. С новыми друзьями я пришёл поболеть за нашу футбольную команду «Строитель». Владик вместе с отцом был на трибуне соперников — болельщиков команды «Локомотив». Когда я перешёл из начальной школы в среднюю, Владик уже окончил школу. Говорили, что он уехал в Красноярск, где сначала учился в технологическом институте, а потом работал на заводе. Со спортом продолжал дружить — выступал на соревнованиях за команду предприятия. Потом, как я слышал от знакомых, в начале восьмидесятых, его перевели на работу в Подмосковье.

Но это всё тоже произошло потом — спустя годы.

А тогда, когда я проводил взглядом уходящий синий с отливом автомобиль, вдруг понял, что уже не хочу идти домой. Сунув валенки в ремешки своих уссурийских лыж, я неторопливо поднялся на горку, теперь зная, что точно не упаду.

Присев, я поехал с горки, а когда взлетел с трамплина, поднял вверх руки. С поднятыми над головой руками, абсолютно счастливый, я и приземлился уверенно на снег.

Округа по-прежнему была пуста. Никто не увидел моего триумфа. Ни братья Чугуновы, ни второклассница Ирка Соколова, ни случайные прохожие...

ВАГОН

Настоящий пассажирский железнодорожный вагон на железных колёсах появился на пустыре возле нашего дома летом 1966 года. Появился вдруг, как из сказки. Вечером его ещё не было, а утром он уже стоял. Никто из моих друзей-приятелей не видел и не слышал, как его привезли. На земле остались следы от гусениц трактора и вмятины от колёс, не предназначенных для движения по земляным и гравийным дорогам. Как выяснилось потом, вагон от ремонтного депо почти через всю улицу Шлакоблочную тащил ранним утром бульдозер. На улице несколько дней виднелись следы-полозья, но потом дождь и проезжающие автомашины свели их на нет. Говорили, что вагон предназначен для строителей, которые начнут всё-таки возводить на пустыре новый дом.

Вагон этот не был похож на пассажирские вагоны, которые ходили через город по Транссибирской магистрали и прибывали на наш вокзал. Те были металлические, а этот деревянный. Хотя тоже цветом зелёный. Подножка его была похожа на лесенку, двери и окна тоже были другими, не похожими на двери и окна вагонов, на которых нам уже приходилось ездить.

— Когда мой папка работал в пэмээсе, мы жили в таком вагоне, — сказал нам, собравшейся малышне, Костя Лавренов.

Костя был старше нас года на два-три. Он уже перешёл в четвёртый класс, был высоким для своего

возраста, и, скорее всего, поэтому казался нам чуть ли не взрослым. Жил он в своём доме по улице Свободы, примерно за квартал от нас, но тоже пришёл посмотреть на вагон.

Мы не знали, что такое пэмээс, но понимали, что это загадочное слово как-то связано, как и вагон, с железной дорогой.

На вагон посмотреть приходили и приезжали на велосипедах пацаны с отдалённых от нас улиц: Транспортной, Суворова, Шпалозаводской и даже из посёлка ремонтно-механического завода. И не только посмотреть. Дети железнодорожников, с самых малых лет приученные к путешествиям в вагонах, сразу проявили инициативу и первыми пошли на обследование вагона. Дверь его оказалась открытой, и они, а следом за ними и мы, полезли в вагон.

Примерно за год до этого я с отцом ездил на поезде в Красноярск и представление о вагоне имел. Но всё же этот вагон, который никуда не ехал и в котором не было проводников, был притягательным по особому. Каждый из нас мог свободно здесь зайти в купе проводников, заглянуть в топку под бачком, где кипятили воду, ну и, конечно же, присесть и прилечь на деревянные полки вагона.

Уже на другой день, с утра, возле вагона началось столпотворение. Знакомые и не знакомые мне пацаны, среди которых были и шестнадцатилетние, занимали в вагоне места. Они оккупировали полки вагона, главным образом верхние. Забирались на них, ложились, открывали окна и приветливо махали проходящим мимо людям. Примерно к полудню все полки

стоящего на пустыре вагона были заняты. Причём занятыми оказались и самые верхние, предназначенные для багажа, полки, на которые в поездах билеты не продавали. Но в нашем вагоне именно они, верхние третьи полки, оказались самыми престижными. Занять их стало негласным правилом всех старших пацанов. От восьмого класса и старше. Забравшиеся туда чувствовали себя более авторитетными по сравнению с теми, кто располагался ниже. Естественно, на вторые полки залегли пяти-, шести- и семиклассники. Ну а нам, второклашкам и третьеклашкам, достались нижние, боковые полки, на которых мы сидели по двое, по трое, а то и по четверо.

На крики верхних наших «пассажиров» с шуткой отзывались взрослые. Уходивший утром на работу наш сосед дядя Роман, отец моей одноклассницы Венерки Мусифуллиной, пожелал нам счастливого пути, а вечером, возвращаясь домой, спросил у торчащих из окна головой наружу «пассажиров», до какой станции они доехали.

— До Москвы! — выкрикнул кто-то бодро.

— Ну, до Москвы вам как до Луны ещё, — сказал на это дядя Роман. — Будем считать, что до соседнего Акульшета вы добрались.

Второй и последующий дни после появления на пустыре вагона жизнь во дворах улиц Шлакоблочной, Партизанской, имени Тараса Шевченко, да и некоторых других, вымерла. Во дворах в песочницах и на скамейках были только девчонки. Все пацаны, едва родители уходили на работу, мчались к вагону и занимали места на полках. На третий день старшими

было утверждено дежурство. Сначала избрали одного из семиклассников проводником, а потом стали назначать дежурных в каждом плацкарте. Поскольку никто из вагона выходить не хотел, в обязанности дежурных по плацкарту было вменено обеспечение «пассажиров» водой. Для этого они с бутылками, банками и даже вёдрами отправлялись до ближайшей колонки и носили воду в вагон. Иногда дежурные успевали заскочить домой и приносили хлеб, намазанный маслом, свежие огурцы, помидоры и популярную ещё в те годы репку. Надо отдать должное нашим старшим — они по-братски делились едой с нами. Ох, какими казались нам вкусными хрустящие огурцы и сочные помидоры! Даже без соли. А вкус пшеничного хлеба (белого и чёрного), помазанного маслом, я помню до сих пор. Кажется, ничего вкуснее того хлеба я в жизни больше не ел.

Старшие наши «пассажиры», лёжа на полках, рассказывали друг другу, а заодно и нам, разные занимательные истории, которые мы, малышня, сразу же впитывали и запоминали. Именно в то лето я запомнил надолго несколько анекдотов про американских президентов, руководителей нашей страны и истории про то, как Хрущёв в дурдом приезжал.

Самое интересное происходило вечерами. Никто из нас, ни старших, ни младших, домой идти вечером не хотел. Многих из нас в прямом смысле ремнями и палками выгоняли из вагона родители и гнали взащей плачущих и рыдающих до дому. Самые самостоятельные держались до наступления темноты, а потом сами уходили домой. Счастливыми были те, кому родители

разрешали ночевать в вагоне. Самые сердобольные мамы сами приносили своим чадам одеяла, матрасы и подушки, расстилали на полках постели и укладывали сыночков на ночлег. Мы с братьями Чугуновыми тоже просились у родителей на ночёвку. Витьку и Сашку родители отпустили, а меня — нет.

Не пришлось мне ночевать в том легендарном вагоне. Простоял он на нашем пустыре недолго. Может, неделю, может, чуть больше. Строители так не появились, а вагон увезли. Снова ранним утром и скорее всего тем же путём, что и привозили. Вечером он ещё стоял, а утром, когда мы проснулись, его уже не было. Костя Лавренев был одним из последних, кто ночевал в вагоне.

— Подкатил трактор часов в шесть утра, — рассказывал он нам. — Тракторист выпер нас на улицу вместе с манатками, подцепил вагон и утащил его по Шлакоблочной.

От колёс вагона там, где он стоял, остались на земле большие вмятины, которые были видны и на следующее, и даже на последующее за ним лето.

Вагонов больше к нашим домам не привозили, и пустырь так и остался незастроенным, но история о вагоне жила несколько лет во дворах домов улиц Шлакоблочной, Партизанской, имени Тараса Шевченко и передавалась из одного поколения подрастающих мальчишек другому.

ЛЕТНЯЯ КУХНЯ

В вагоне, что некоторое время стоял на пустыре, ночевать мне не пришлось, зато довелось спать на полу вместе с братьями Чугуновыми в нашей летней кухне.

С летними кухнями возле нашего дома была целая история. Я уже упоминал, что вместе с квартирами жителям нашего дома предоставляли ещё и сараи, такого же красного цвета. На каждую квартиру — отдельный сарай с отдельным входом в общем ряду. Одни пользовались своей дополнительной площадью, что называется, на всю катушку: держали там курей или поросят. Другие, мне думается, могли бы, наверное, обойтись и без сарая и хранили там только вещи, без которых можно было обойтись в квартире. Но были в нашем доме и такие жильцы, например, семья Чугуновых, которым одного сарая было мало. Чугунов-отец уже в первое лето жизни в новом доме построил рядом с огородами жителей соседних домов дощатую летнюю кухню. Кухню оборудовал печкой, поставил стол, табуретки, старую кровать. Летом там вполне можно было жить, не заходя целыми днями в квартиру, да и ночевать тоже. Что и делал иногда старший сын Чугуновых — Иван, а когда его не было дома, просили разрешения у родителей ночевать там Витька и Сашка.

Глядя на летнюю кухню Чугуновых, другие жители дома тоже стали делать пристройки к общим

сараям и выстраивать сараи-кухни на пустырях. Большинство делало это затем, чтобы установить там небольшие железные или кирпичные печки, на которых можно было готовить корм для поросят и курей.

Вообще-то печки, железные, а то и кирпичные, некоторые сооружали прямо под открытым небом, во дворе, ближе к сараям. Летом в жаркие дни печь дома не растопишь, топили на улице и, приготовляя пищу для животных, кипятили чай для себя. И не только чай — бывало, пекли блины и даже пирожки.

Уличные печи хороши были только в хорошую погоду, когда же шли дожди, их часто заливало водой. Интересно было смотреть на топившие печки во время дождя. Капли падали на горячие кирпичи и железные плиты, шипели, вскипали и испарялись. В белом пару порой тонула вся печка.

Хозяева делали навесы над печами, но это мало помогало, и в конце концов все приходило к мысли, что печкам нужны помещения — летние кухни. И несколько сколоченных на скорую руку из досок летних кухонь с печками появились возле нашего дома летом 1965 года. Эти первые постройки просуществовали недолго. Возведены они были в мае-июне, а в августе к дому нагрянула комиссия из горсовета и пожарного депо. Кухни назвали самостроем, признали их угрожающими пожарной безопасности и приняли постановление их снести. Снесли все, кроме летней кухни Чугуновых. Отцу Витьки и Сашки удалось убедить комиссию, что его

постройка соответствует требованиям пожарной безопасности, и кухню оставили.

После этого несколько жителей нашего дома обратились с письмом в городской совет. Снова во двор приходила комиссия, которая дала разрешения на строительство нескольких сараев без установки в них печей и подводки туда электричества. И на следующее лето на отведённых комиссией участках снова появились деревянные постройки. Свой сарай, который мы называли летней кухней, сделал и мой отец.

Отец называл свою постройку домиком. Она и вправду была больше похожа на небольшой дом, собранный из щитов. Большие щиты — плотно сколоченные доски — составляли стены. Три щита — три глухих стены — отец и его друзья возвели быстро. Потом сделали вход, крыльцо, окно со стороны входа, накрыли крышу. Домик-кухню метрах, наверное, в тридцати от нашего дома собрали за два-три дня. Поставили там старый стол и три табуретки. Когда строительство было закончено, мы провели в новой летней кухне торжественное чаепитие с участием соседей, а я вызвался там ночевать и пригласил для компании братьев Чугуновых.

Это был ответ на любезность братьев. Один раз я ночевал в их летней кухне. Мы подставили тогда к кровати две скамейки и улеглись втроем поперёк. Спать было не совсем удобно, скамейки под ногами то и дело качались от наших движений, и та ночёвка нам не понравилась. Делая выводы, мы на новом месте улеглись на полу. Мать принесла для подстилки

старый тулуп и две телогрейки, подушку. Братья Чугуновы принесли с собой свои подушки и покрывала. Витька улёгся в одном углу, мы с Сашкой в другом. Рвался составить нам компанию и Сашка Стефаненко, ходил отпрашиваться у матери, но она его не отпустила. Сашка долго сидел с нами в нашей новой летней кухне и ушёл грустный, когда за ним пришла его младшая сестра Маринка и позвала домой.

Мы улеглись быстро. Долго переговаривались. Витька, на правах старшего, рассказывал нам разные истории. Первым уснул Сашка, потом затих и Витька.

Я вставал несколько раз, смотрел в тёмное окно. В нескольких квартирах горел свет, но на улице было тихо. Задремал незаметно и проснулся на рассвете. В окно заглядывало не жаркое ещё солнце, в сарае пропел петух, закудахтали курочки. Я попил воды из чайника, что поставила на стол нам мать, и снова лёг. Сквозь сон слышал, как позже кто-то потянул закрытую на крючок дверь, а потом услышал голоса матери и отца. Они, видимо, уходя на работу, решили нас проведать, но, не открыв дверь, заглянули в окно, а убедившись, что всё в порядке, ушли. Разбудил нас Сашка Стефаненко. Он постучал сначала в дверь, а потом в окно, а когда ему не открыли, стал звать:

— Пацаны, пацаны, вы что, ещё спите?

Ему открыл Витька. Потом мы все сидели за столом, пили воду из чайника и, довольные, разошлись по домам, решив повторить ночёвку.

Наверное, неделю мы ночевали с братьями Чугуновыми в нашей летней кухне. Однажды ночью пошёл сильный дождь и похолодало. Витька замёрз первым и, несмотря на ливень и уличную темноту, схватив свою подушку и покрывало, побежал домой. Мы с Сашкой остались. Но ненадолго. Вскоре в небе загрохотало, засверкали молнии, и к нам в кухню пришёл отец.

— Давайте в дом! — сказал он.

Пока мы собирались, прибежал Витька. Он был уже в резиновых сапогах и принёс сапоги и куртку брату. Витька помог Сашке одеться и увёл домой.

На этом закончились наши романтические ночёвки в летней кухне. Но воспоминания о них и об этом щитовом домике остались в памяти до сих пор.

А ещё та наша летняя кухня вспоминается мне и в связи с приездами к нам тёти Веры и дяди Андрея из деревни. Тётя Вера и дядя Андрей приезжали к нам на лошадке, запряжённой в сани, и привязывали лошадку возле нашей кухни.

Но об этом ниже.

ЛОШАДКА ИЗ ДЕРЕВНИ

Старшая сестра матери тётя Вера с мужем дядей Андреем приезжали к нам часто. Я запомнил их ещё по дому-бараку, в котором мы жили до переезда. Приезжали они к нам и летом, и осенью, и весной. Но особенно запомнились мне их зимние приезды, когда они приезжали к нам на рыжей лошадке и привязывали её к летней кухне. Эти визиты всегда, несмотря даже на прохладные дни, были отмечены всеми детьми нашего и соседних домов.

Едва дядя Андрей, привязав лошадку, успевал зайти домой, раздеться и сесть за стол, как возле лошадки собиралась ватага ребятишек. Дети несли лошадке хлеб и варёную картошку.

— Лошади яблоки любят, — сказал как-то Сашка Стефаненко. — Я в книжке читал.

Зимой с яблоками в ту пору было не очень. Их продавали чаще летом и осенью. Но Ирка Соколова не растерялась и вынесла лошадке ранетки. Ранетки, правда, были сладкие и варёные. Она достала их из банки с вареньем.

К лошадке подойти близко никто не осмеливался. А когда Витька Чугунов со смехом показывал, как кусаются кони, хватая любопытных за бока, дети, собравшиеся у лошадки, отступали ещё дальше.

Дядя Андрей надевал шубу и снова выходил во двор. Он брал из саней охапку сена и подносил лошадке.

— Вот что она больше всего любит, — говорил он собравшимся. — Сено любит.

Дети, с восторгом наблюдавшие, как лошадка ест сено, просили дядю передать ей кусочки хлеба и картошку, что они принесли.

Дядя Андрей протягивал на своей широкой ладони лошадке и хлеб, и картошку. Лошадка осторожно забирала еду из руки хозяина и с аппетитом съедала.

— Мой хлеб съела!

— И мою картошку! — хвастались друг перед другом дети и хлопали в ладоши.

— А варенье она не ест, — объяснял Ирке дядя Андрей.

И погрустневшая Ирка Соколова уходила, унося свои ранетки обратно домой.

Ну, конечно же, счастьем для многих из собравшихся детей, в том числе и меня, было катание на санях. Это было самое запоминающееся от встречи с лошадкой. Дядя Андрей лично указывал каждому желающему, какое место на санях он должен занять и как себя вести во время поездки.

Прокатиться решались обычно человек пять-семь. Дядя Андрей брал в руки вожжи, садился в сани по центру за лошадкой. Справа от него обычно присаживался я, слева — Витька Чугунов.

Дядя Андрей выезжал на улицу имени Тараса Шевченко и ехал до последних домов, туда, где начинались поля. Объезжал дома, сворачивал на Шлакоблочную, и лошадка бежала до забора больницы, а потом на улицу Партизанскую. Пассажиры

приветливо махали всем встречным людям и кричали «ура». С улицы Партизанской мы доезжали до забора ГПТУ («фазанки») и сворачивали в наш двор. Лошадка останавливалась у нашей летней кухни, и дядя Андрей её снова привязывал.

Пассажиры поднимались с саней неохотно и спрашивали дядю Андрея, когда он приедет снова.

— Приедем... — махал рукой дядя Андрей и, уходя в дом, предупреждал всех не подходить близко к лошадке и не пугать её.

Помню, помню я эти незабываемые катания в санях по зимним улицам Тайшета. Память сохранила те ощущения так свежо, что, кажется, всё это было на прошлой неделе.

Но пролетело немало уже лет, зим и даже десятилетий, и нет уже тех деревянных домов по улицам имени Тараса Шевченко, Шлакоблочной и Партизанской, и заборы железнодорожной больницы и ГПТУ уже совсем другие.

ЗАМОРОЖЕННОЕ МОЛОКО

Приезды на лошадке к нам зимой тёти Веры и дяди Андрея часто были связаны с доставкой молочных продуктов. Тётя Вера выкладывала на стол перед бабушкой в бидонах и банках сметану, масло, творог, молоко и то, что меня поначалу сильно впечатляло, — завёрнутые в платки белые круги, похожие на небольшие колёса, с отверстием в центре.

— Это замороженное молоко, — поясняла нам с сёстрами бабушка.

Я не мог себе тогда представить: как молоко может быть похоже на круг? Я видел обыкновенное молоко, которое пьют из кружки или стакана и приносят домой в бутылках, в бидонах и стеклянных банках. Видел молоко сгущённое — сладкое и тягучее, которое добавляли мы в чай или кофе. Видел даже сухое молоко. Мы разводили его в стаканах, заливая горячей водой, а иногда жевали этот белый порошок, чаем припивая. А вот чтобы молоко было в замороженном виде, да ещё в такой форме...

— Ты мороженое ел? — спросил меня дядя Андрей, видя моё любопытство.

Конечно же, я ел мороженое! Его летом продавали в городе на развес. Тринадцать копеек стоили сто граммов мороженого в хрустящем вафельном стаканчике, одиннадцать — в стаканчике бумажном. Вафельный стакан съедали вприкуску с мороженым, к бумажному выдавалась плоская деревянная палочка, используемая вместо ложечки.

— Это, считай, то же мороженое, — сказал дядя Андрей и, взяв ложечку, соскрёб с поверхности круга белый лёд.

Когда на круге собралась горка льда, он переложил её в стакан и подал мне.

— Ну вот и мороженое тебе. Только не такое сладкое, как летом продают. Можно сахару добавить. Ешь, пока не растаяло.

Я попробовал без сахара и с сахаром. Но вкус мороженого молока был совсем другим, не похожим на то мороженое, что продавали с лотков летом.

— Да ты горло себе так простудишь! — увидев, что я уже сам, после того как уехали гости, наскребаю себе молочный лёд в стакан, сказала мне бабушка, забирая круг со стола. — Попробовал, и хватит! Я сейчас растоплю его на печке, и будете пить с мёдом, горячее.

Бабушка взяла молоток и, ударяя по молочному кругу, расколола его на несколько частей. Потом она поставила на горячую печку ковшик и опустила туда два куска мороженого молока. Мы с сестрой Ольгой стояли у печки и смотрели, как оседает в ковшике лёд, как превращается он в белую жидкость — молоко. И вот из ковшика пошёл пар, молоко вспенилось и стало подниматься.

— Вот и всё! Готово! — бабушка, обмотав ручку ковша полотенцем, подняла его и понесла к столу.

Она разлила нам и себе горячее молоко в кружки, поставила перед нами блюдце с мёдом.

И мы ели мёд, цепляя его с блюда чайными ложечками, и запивали горячим молоком из кружек.

— Вкусно? — спрашивала нас бабушка.

— Вкусно, — кивали ей мы.

— Это лучше, чем лёд глотать. Горло точно не заболит, — улыбалась бабушка.

— А почему тётя Вера нам молоко круглое привозит? — спрашивала её сестра Ольга.

— Эта форма у них такая есть, круглая. У них корова много молока даёт, и чтобы оно не прокисло, тётя Вера заливает его в форму и выносит на мороз, — объясняла бабушка. — Я вот тоже сейчас сложу весь лёд в кастрюлю и вынесу в сенцы.

Кастрюля с мороженым молоком несколько дней стояла у нас в сенцах. Раза два, выбрав время, когда никого не было дома, я откалывал себе несколько кусочков льда. Но, помня о том, что можно застудить горло, всегда, перед тем как сунуть лёд в рот, наливал себе горячего чаю и запивал им.

Горло у меня ни разу не заболело.

РИСУНКИ ДЕДА МОРОЗА

В конце декабря — начале января в нашей квартире всегда чувствовалась новогодняя торжественность. Отец приносил ёлку, устанавливал её на деревянную крестовину возле окна в комнате-спальне. Мать доставала из деревянного чемодана, хранившегося под кроватью целый год, стеклянные и ватные игрушки, и мы, включая младшую сестру Лену, начинали украшать ёлку. Помню белых стеклянных зайчиков, зелёные лимончики на прищепках, которые никак не хотели закрепляться на ветках ровно и всё время провисали. Их приходилось крепить к веткам потолще, поэтому на передний план выступали лёгкие ватные куклы, грибочки, пингвины. Иногда ватой наполнялись конфетные обёртки и тоже развешивались на нашей ёлке. Прикрепляли к ёлочке мы и настоящие конфеты: «Барбарис», «Школьные», «Коровки», иногда дорогие по тем временам «Мишка на Севере».

Вершину ёлки всегда украшала красная звезда, честь водрузить её я брал на себя. Для этого отец поднимал меня на руках к верхушке, и я надевал на неё звезду.

В ответ на это сестре Ольге доверяли поставить под ёлку Деда Мороза и Снегурочку. Рядом с ними всегда стоял сундучок, украшенный блёстками и мишурой. Его делала бабушка из плотной бумаги.

— Первого января утром кто первый проснётся — найдёт в сундучке подарок от Деда Мороза, — говорила нам бабушка.

И мы с нетерпением ждали наступления первого дня нового года.

Когда все ложились спать и выключали свет, я наблюдал со своего дивана за Дедом Морозом. Очень хотел увидеть, как он будет открывать сундук. Но Дед Мороз и его внучка Снегурочка стояли тихо и не шевелились.

А утром нас с Ольгой будила бабушка и приглашала открыть сундучок. И в сундучке действительно были или конфеты, или маленькие шоколадки, или мандаринки. И мы с сестрой верили, что это подарки для нас от Деда Мороза и Снегурочки.

Первыми январскими днями, когда продолжались зимние каникулы и не нужно было идти в школу, я любил рассматривать узоры на окне. Пластиковых окон тогда в наших квартирах ещё не было, а двойные деревянные рамы хоть и хорошо защищали нас от ветров и стужи, но промерзали под натиском морозов, и на окнах появлялись наледь и даже снег. Окна, бывало, промерзали так, что через них ничего нельзя было увидеть. Но зато на них появлялись узоры и даже целые картины. Картины, конечно же, чаще возникали в нашем с сестрой воображении.

Я видел на окнах лес и домик на полянке, сестра — снежинки и белые цветы. Мне представлялось, что возле дома ходит охотник на лыжах, а рядом с ним зайчик и лиса. Ольге виделись волны и море, девушка возле окна.

— Это Дедушка Мороз рисует для вас, — говорила нам бабушка.

А мы, рассмотрев кухонное окно, бежали к комнатному, которое было больше размером. Там мне уже виделись самолёты и ракеты, улетающие в небо,

а сестре — кони, запряжённые в сани, и летящая над ними жар-птица.

Рисунки на окнах менялись каждый день, а то и в течение одного дня. Скорее всего, они менялись только в нашем воображении. Утренний сказочный лес к вечеру становился многоэтажным домом с крышей и трубами. Избушка охотника превращалась в медведя, а снежинки и цветы превращались в звёзды на небе.

Иногда мне хотелось запечатлеть увиденное, и я брал альбом для рисования, карандаши и начинал делать наброски. Начинал, как правило, с самого окна. Рисовал прямоугольник, в нём крест — рамы, а в рамах уже пытался изобразить узоры. Иногда я нагромождал их столько, что они сливались в непонятную даже мне мешанину.

— Да ты не старайся нарисовать всё. Нарисуй один узор в одной раме, другой в другой, тогда станет понятно, что это рисунки на морозном окне, — давала совет мне мать.

И я пробовал сделать так, как она мне говорила, хотя не был доволен тем, что не могу нарисовать всё, что вижу.

По совету бабушки после каникул я отнёс рисунки в школу и показал учительнице.

Валентина Александровна перелистала мой альбом, похвалила меня за то, что я на каникулах времени зря не терял, а на уроке рисования попросила нарисовать в этом же альбоме дом. Когда я нарисовал дом, окно, крыльцо и крышу с трубой, Валентина Александровна сравнила этот рисунок с моими домашними и, видимо, убедившись, что дома тоже рисовал я, поставила мне четвёрку.

САДОВОДЫ-ОГОРОДНИКИ

Я уже рассказывал о том, что в небольших палисадниках жители нашего дома не только высаживали цветы, но и делали грядки под лук, чеснок, редиску, репу. Мы с сестрой Ольгой тоже участвовали в огородных работах. Мать отвела одну грядку нам, и мы сеяли, каждый на своей половине, репу и редиску. Ольга — репку, я — редиску. Каждый день или через день мы поливали свои грядки и с нетерпением ждали, когда на них появятся росточки.

И они появлялись, и мы радовались им и ещё более усиленно поливали грядки. Сейчас, наверное, не описать того восторга и той радости, когда на грядках появились плоды и мы угощали ими наших гостей.

— А это Серёжа и Оля вырастили репу и редиску, — с гордостью говорила мать гостям. — А Лена им помогала... Вот какой у нас урожай получился.

Да, маленькая Лена всегда старалась нам помочь, носила воду в маленьком ведёрке и поливала те участки грядок, которые мы ей показывали. В том, что урожай удался, была и её заслуга.

С восточной стороны дома, в другом нашем палисаднике, отец посадил маленькую черёмуху, что принёс от своих родителей — наших бабушки Анны Веденеевны и деда Николая Григорьевича. Черёмуха эта в нашу бытность в доме на Шлакоблочной плодов дать не успела, но со временем разрослась, и переехавшие в нашу квартиру новые жильцы её сохранили. Позже я несколько раз проходил мимо бывшего нашего дома

и видел, как поднималась, выросла, крепла и цвела черёмуха, посаженная отцом.

А мы с сестрой вошли во вкус огородных дел и, когда наступила поздняя осень и выпал первый снег, загрустили, что работы наши остановились до весны. Видя нашу грусть-тоску, мать однажды за обедом, когда мы ели яблоки, сказала как будто невзначай, что если закопать косточку от яблока в землю, например в горшок с цветами, то она может прорасти и из неё вырастет яблоня. И, не откладывая дела, она тут же вырыла ямочку в ведре с фикусом и закопала туда косточку от яблока. Мы — я, Ольга, Лена — сделали то же самое, запоминая, в каком месте зарыты наши косточки.

Первая посадка не дала всходов, но начало было положено, и мы с сёстрами зарывали под фикусом и другими цветами косточки от разных плодов: мандарина, апельсина, груши. Я даже воткнул в землю несколько косточек, найденных в компоте, наверное, не понимая тогда, что, сваренные в кипятке, они не прорастут.

Время шло, а всходов не появлялось. Мы продолжали поливать землю, надеясь, что они всё же появятся, хотя с каждым разом надежды наши таяли.

— Ну что, садоводы-огородники, нет пока урожая? — спрашивал нас, приходя в гости, младший брат отца дядя Игорь.

— Нет, — говорили мы с печалью.

Однажды мать принесла лимоны. Кислые и, как мне показалось, даже горьковатые на вкус, они не произвели на нас с сестрой впечатления, не посыпанные

сверху сахаром, не опущенные в чай. Мы их не любили. И когда мать посадила косточку в землю в небольшой горшок, где рос алоэ, мы не проявили большого интереса. Но именно косточка лимона проросла первой. Через какое-то время мы заметили возле цветка росточек. Он поднимался не очень быстро, но, вытягиваясь, покрывался листочками. Когда лимончик стал сантиметров десять, его пересадили в отдельный горшочек, и он рос у нас долго. После его пересаживали ещё несколько раз, пока не определили в большое десятилитровое ведро. Он переехал с нами в другую квартиру, потом в третью, превратившись в небольшое дерево. Но это было позже, а в тот год, когда мы пересадили от цветка алоэ лимон, рядом с цветком появился новый росток. Он был не похож на лимонный, и мы не сразу определили, что это виноград. По осени я зарыл несколько косточек возле цветка алоэ и, видимо, забыл про них.

То, что это виноград, мы определили, когда росточек начал обвивать цветок. Цветок стоял на подоконнике в спальне, и бабушка, привязав к гардине тонкую верёвочку, обвила её вокруг ростка. И росток пошёл в нужном нам направлении. Он быстро потянулся вверх по стенке и месяца через полтора достиг гардины. Дальше — больше. Дотянувшись до верха, он проложил себе путь вдоль окна, не позволяя матери и бабушке раздвигать и задвигать шторы.

Мы не знали, что делать. И тут одна бабушкина знакомая, пришедшая к нам в гости, посоветовала виноград подрезать. Она сказала, что долго жила в Крыму и ей приходилось выращивать виноград.

— Подрежьте его и пересадите. Ему тесно рядом с цветком, а отрастёт он быстро. Этот вьюн очень живучий.

Бабушка тут же последовала её совету и, оставив от ростка несколько сантиметров, пересадила его в стеклянную пол-литровую банку, переставив её на кухонное окно, где не было гардины. Но росток на новом месте не прижился. Через несколько дней он пожух, почернел, а потом высох.

Моему горю не было границ. Мало сказать, что я был расстроен, я плакал горькими слезами и никто — ни мать, ни отец, ни бабушка, ни пришедший в гости дядя Игорь — не мог меня утешить.

Через несколько дней после этого мать принесла домой несколько веточек винограда. Я выбрал самые большие косточки и посадил их в каждый имеющийся в доме цветок. Но они не дали всходов.

А лимон, как я уже говорил, рос у нас долго и на других наших квартирах напоминал нам о доме на Шлакоблочной. О нашем житье там. Как и черёмуха, посаженная отцом. Когда я проходил по улице Партизанской мимо железнодорожной больницы, издали узнавал её, а заодно и палисадник нашей бывшей квартиры.

СОРОК ОДИН, СОРОК СЕМЬ И СОРОК ВОСЕМЬ

Мой одноклассник и сосед Сашка Чугунов, даже став школьником, продолжал иногда выходить из дома с кружкой чая или молока и, обходя вокруг дома, останавливался чуть ли у каждой квартиры, откусывал хлеб, намазанный маслом, и, прожёвывая, пил из кружки. Иногда Сашка ходил вокруг дома с хлебом и сарделькой, и аппетитный запах, казалось, врывается в открытые окна наших квартир. Во всяком случае, глядя на пиршество друга на открытом воздухе, мне тоже хотелось выскочить с кружкой чая, хлебом и колбасой на улицу и составить компанию Сашке.

Но за мной строго следила бабушка, и выйти из дома с кружкой, стаканом или куском хлеба было невозможно. А вот печенье или несколько конфет мне прихватить с общего стола иногда удавалось, и я выбегал, зажав в кулаке или набив карманы брюк гостинцами для друзей.

Так делал не я один. Мы собирались то за сараями, то возле построенной для нас в конце дома деревянной горки и делились сладостями. Сначала это были только конфеты и печенье (иногда пряники), редко халва, но вскоре появилось то, что сразу же вышло на первый план и затмило все ранее нам известные лакомства. В магазинах стали продавать спрессованные в кубики, в обёртках, растворимые кофе и какао. Кубики эти предназначались для заваривания в кипятке. В стакан или кружку

кипятка нужно было бросить кубик, он растворялся, и получался напиток. И я, и все мои сверстники из нашего и близстоящих домов пробовали такие напитки. Да, они были вкусными, но...

Но, наверное, ни один мальчишка тех лет, распробовав на вкус кубик кофе или какао, ни за что не позволил бы себе такую роскошь — бросить его в кипяток. Кубики были лакомством в своём первоизданном виде — не растворёнными и не превращёнными в напиток.

Да, они были твёрдыми, не всегда поддавались сразу нашим детским зубам, но ни одна сладость не могла сравниться в то время с ними! Особенно с кофе. Кубик кофе со вкусом цикория стоил тогда семь копеек. Кубик какао — двенадцать. Не спорю, были среди нас и любители какао, но семикопеечная пачка кофе оставалась фаворитом. Были попытки вытеснить его пачками с растворимым киселём или фруктовым чаем, но бесполезно!

Я, пожалуй, соглашусь с теми, кто утверждает, что и прессованный фруктовый чёрный ароматный чай в пачках тоже был вкусным в первоизданном виде, и разные кисели, белого и красного цвета, с ягодными добавками, за милую душу хрустели на наших зубах, но кофе всё же был вне конкуренции. Ради него я даже отказывался от кино, и когда родители давали мне десять копеек на киносеанс, случалось, вместо того, чтобы пойти в клуб, покупал кофе в кубике.

Приходивший на мальчишеские посиделки за сарай или к горке с кубиком в руке сразу оказывался в центре внимания. Естественно, всем сразу хотелось

откусить часть от этого кубика. И бывало, что кубик пускали по кругу: каждый откусывал от него немного, и к хозяину, благодушно поделившемуся с товарищами, уже ничего не возвращалось.

Один раз Сашка Стефаненко, развернув кубик кофе, отгрыз от него угол и, запустив по кругу, достал второй и начал спокойно есть. Это было что-то новое для нас и поучительное. И потом некоторые из мальчишек, приносившие из дома кофе, печенье, пряники, половину своих запасов пускали в круг, а остальное съедали сами.

Новая струя в отношении вынесенных из дома для всеобщего поедания продуктов, да и новые отношения между нами, мальчишками, произошли в лето 1967 года с появлением Мишки — Михи, как его все звали. Я не помню уже, к кому приезжал этот Миха и откуда. То ли из какого-то села, то ли из другого города. Он закончил третий класс и приехал к нам на Шлакоблочную улицу во время летних каникул. Гостил он тоже недолго — неделю, а может, и того меньше, но запомнился всем. Запомнился тем, что научил нас, как нужно встречать вышедших из дома с продуктами.

Миха быстро влился в наш круг. Как-то после обеда мы собрались за сараями и что-то бурно обсуждали — то ли кинофильм, то ли какую-то книгу. К нам подошёл обедавший обычно поздно Сашка Чугунов с половиной батона в руке.

— Сорок восемь — половину просим! — выкрикнул вдруг Миха, увидев его, и протянул к нему руку.

Все, а особенно Сашка, застыли, не понимая, что происходит.

— А вы что, поговорок не знаете? — спросил нас Миха. — Если кто-то выходит из дому и что-то ест, то он должен сразу сказать: «Сорок один — ем один!» Тогда у него никто ничего уже не попросит. А если он проворонил и не успел сказать, то ему должны крикнуть: «Сорок восемь — половину просим!» — и он обязан отдать половину того, что у него есть. А если кто-то скажет: «Сорок семь — дели нам всем!» — то нужно всё разделить на всех. Это закон! — гордо и торжественно произнёс Миха.

И с того дня началось!

По одному и объединившись, и при Михе, и после его отъезда, мы начали играть в эти поговорки, встречая вышедших из дома мальчишек. Иногда так, на всякий случай, не зная, есть ли у него что съедобное или нет, выкрикивали: «Сорок восемь! Сорок семь!» Иногда, веселья ради, собирались возле квартиры кого-нибудь и ждали, когда он выйдет, чтобы крикнуть хором про те же сорок семь или сорок восемь

Сашка Чугунов первым из нас догадался сыграть на опережение. Увидев в окно собравшихся возле его квартиры мальчишек, он открывал форточку, просовывал голову и кричал нам: «Сорок один — ем один!» — и выходил или даже и не выходил после этого из дому.

На какое-то время мы забыли про все наши игры. Но продолжались эти поговорки-«попрошайки» недолго. Всё реже выходил кто-то с куском хлеба или

с конфетами на улицу. Наученные опытом мальчишки старались теперь есть дома и ничего не выносить. Группа охотников играть в поговорки редела. Но другие игры как-то у нас не клеились.

Однажды, когда мы сидели на деревянной горке, не зная, чем заняться, к нам подошёл дядя Валя Куликов, отец Валерки и Нади.

— Ну что вы целыми днями слоняетесь? — спросил он нас. — Шли бы за сарай, на площадку в ГПТУ, поиграли бы в какие-нибудь подвижные игры. В догоняшки, прятки, футбол... Мы в ваше время такими не были. Всегда находили чем заняться.

И мы встрепенулись и действительно пошли играть и вскоре забыли о поговорках-«попрошайках».

И Сашка Чугунов больше не выходил из дома с кружками и хлебом с колбасой.

Мы становились старше.

ПРОБОЧНЫЙ БУМ

Когда я вспоминаю рассказ Валентина Распутина «Уроки французского» и прекрасный фильм, поставленный по рассказу режиссёром Евгением Ташковым, то в памяти тоже всплывает дом на улице Шлакоблочной и наши игры в «чику».

Но если герои рассказа играли на деньги, то нам деньги заменяли бутылочные пробки.

Да, мы видели, как более старшие ребята играли в «чику» на деньги. Так же, как описано в рассказе и показано в фильме, ставили стопкой вверх решкой монеты («кон») от одной копейки до двадцатика (чаще договаривались играть от трёхкопеечных монет и выше, исключая полтинники и железные рубли, но бывало, что играли отдельно только на «медь» и отдельно только на «серебро»), отсчитывали десять шагов и по очереди бросали битую — плоский, близкий к круглому камень. Тот, кто бросил ближе к «кону», начинал первым переворачивать битой монеты с решки на орла. Перевернутые он забирал, если перевернуть ему не удавалось, за дело брался следующий игрок. Случалось, что после броска бита разбивала «кон», тогда счастливчик забирал перевернутые монеты и первым переворачивал оставшиеся.

В нашем дворе игра на деньги не была популярной. Наверное, потому, что менялись времена и то, что было приемлемо мальчишкам сороковых-пятидесятых годов двадцатого века, в шестидесятые считалось устаревшим. Старшеклассники почти всегда

имели при себе какие-то деньги и, видимо, иногда позволяли себе сыграть в «чику». Но всё больше и больше ребятишек (особенно в дни чемпионата мира по футболу 1966 года в Англии и после него) проводили свободное время, гоняя по полю «фазанки» или за сараями футбольный мяч.

Ни я, ни мои сверстники до футбола тогда ещё не доросли, и деньги у нас в карманах не водились. Поэтому мы играли в «чику» на пробки от бутылок.

Пробку от бутылки из-под газированной воды или пива нужно было сделать похожей на монету. «Сплющить», — как говорили мальчишки постарше. Для этого зубчатые края её, охватывающие горлышко бутылки, загибались вовнутрь. До того, как это сделать с помощью молотка или подручного камня, нужно было обязательно вынуть из пробки прокладку. Загнутая пробка из-под бутылки газировки или пива приравнивалась к трём копейкам. Поначалу в игру принимали и пробки из-под водочных бутылок, оценивая их в десять копеек, но очень скоро от них отказались. Они были очень тонкими и неохотно переворачивались.

Правила были точно такими же, как и в настоящей «чике». Пробки ставили в стопку на «решку», отмеряли десять шагов и бросали биты. По старшинству.

Игра захватывала. Часов с девяти утра, когда родители наши уходили на работу, и до позднего вечера (пока не стемнеет) мы проводили за сараями. Мне не всегда везло, но иногда получалось попасть в «кон» и перевернуть несколько пробок. Не очень-то получалось выигрывать постоянно и тем, кто жил в нашем доме или в домах рядом. Виртуозами по точным

броскам и переворачиванию пробок были в основном приходившие в наши двory мальчишки из других улиц, старше нас года на три-четыре.

Думаю, что от кого-то из них и пришла к нам игра в «чику» бутылочными пробками. Запомнился Борис, который жил от нас далеко, аж на улице Суворова, за построенным недавно гастрономом — магазином с большими стеклянными витринами. Борис ходил по двoryм с ранцем, полным бутылочных пробок, включался в любую игру и почти всегда выигрывал. Он несколько раз открывал при нас ранец и рассказывал, где и когда он выиграл пробки, хранящиеся у него в одном или другом отделе.

Ну а мы, проигравшись, шли за новыми пробками. Первая точка, где можно было их взять, был продуктовый магазин по улице Крупской, напротив «фазанки». Там можно было купить газированную воду на розлив. стакан газировки стоил шесть копеек. Продавщицы открывали бутылки и наливали из них газировку в стаканы. Пустые бутылки они ставили в ящики, а пробки бросали в мусорные вёдра.

Вняв нашим просьбам, продавцы стали откладывать пробки в бумажные пакеты и отдавали нам по первому требованию. Нужно было только прийти за ними раньше остальных. Несколько раз мы ходили за пробками в этот магазин с Сашкой Стефаненко, и однажды нам досталось на двоих одиннадцать пробок. Конечно же, этого было мало, и мы совершали путешествия с Сашкой Стефаненко и братьями Чугуновыми и до гастронома, и даже до городского парка, где тоже продавали газировку на розлив и можно было

отыскать пробки. Самые бойкие и азартные игроки в «чичу» пробирались на стадион и искали выброшенные пробки среди трибун и сидящих на них болельщиков, заходили в железнодорожный ресторан и даже караулили пассажирские поезда, чтобы выпросить нужные нам пробки в вагонах-ресторанах.

Пробочный бум продолжался всего одно лето и к осени стих. В сентябре все пошли в школу, свободного времени стало меньше. Да и другие игры нет-нет да и захватывали нас, такие как «бита-банка» или обычные прятки

Осенью 1966 года мы собирали металлолом. Отслужившие своё утюги, лопаты, кастрюли несли из дома на школьный двор. Я принёс несколько железок, что выдал мне отец за ненадобностью. Завхоз школы, командуящий распределением металлолома, указал мне на железный бачок, стоявший среди труб, мотков проволоки и батарей отопления:

— Бросай туда.

Заглянув в бак, я увидел среди ржавых гвоздей, болтов и шурупов сплюснутые бутылочные пробки. Их было много. Десятка три или четыре.

ПОХОДЫ В КИНО

Я уже вспоминал о том, что телевидение в Тайшете появилось только в 1972 году. До этого мы смотрели кино в клубах и кинотеатрах города. Ну, ещё диафильмы с помощью фильмоскопов.

В кино любили ходить многие. В основном посещали клуб стройучастка, о котором я тоже упоминал уже в самом начале книги.

Мы, мальчишки (а иногда с нами и девчонки), ходили в кино группами по пять-шесть, а то и по десять человек. Договаривались заранее с теми, кто жил в других домах, собирались обычно возле горки и шли по улице Шлакоблочной вдоль забора железнодорожной больницы. Переходили улицу Гагарина и (если дело было летом) делали обязательную остановку возле водоклонки. Той самой, что стояла на углу улиц Гагарина и Шлакоблочной, у барака, где мы жили раньше и откуда переехали в новый дом. Остановиться у колонки и попить воды прямо из-под крана было нашим обязательным ритуалом. Чтобы попить воды из колонки, мы выходили из дому пораньше, примерно за час до начала киносеанса, и если на месте нашего неперемного водопоя стояла очередь, мы терпеливо ждали. Иногда нас пропускали («Ребятишкам дайте напиться!») сердобольные женщины, а некоторые даже предлагали попить из своего ведра.

— Чтобы не разливать воду и не делать лужи, — говорили они.

— Ну что, вкусно? — спрашивали женщины, смеясь, когда вся наша группа, кто по одному, а кто и по два раза припадая к ведру, якобы утоляла нестерпимую жажду.

Вода из ведра тоже казалась нам вкусной.

Так было до тех пор, пока не появился Лёня. Небольшого роста, Лёня издали казался нам подростком. Однако было ему тогда лет восемнадцать-двадцать. Лёня был немой и очень злой. Не любил детей.

— Вы с ним не связывайтесь. У него не все дома, — говорили нам женщины у колонок.

Откуда Лёня появился, мы не знали. Шли как-то один раз в кино и увидели его, стоящего у колонки. По традиции мы решили напиться, но когда стали подходить ближе, неожиданно встретили сопротивление. Стоящий у колонки человек замычал и замахал на нас руками.

— Это что, охранник какой-то, что ли? — спросил то ли себя, то ли нас Костя Лавренов.

Мы молча стояли, глядя на неожиданно возникшее препятствие.

— Вот что, пацаны, я сейчас его отвлеку, он за мной побежит, а вы открывайте кран и пейте.

Костя скорчил рожу и, замахав руками, стал приближаться к немому. Тот вначале широко раскрыл рот, выпучил глаза, но тут же взревел и, налившись злостью, бросился на Костю.

Длинноногий наш Костя побежал в сторону барака. Немой за ним. В это время Витька Чугунов подскочил к колонке и открыл кран. Вода хлынула на землю, и мы кинулись к струе, подставляя под неё свои рты.

Но напиться из нас никто не успел. После первого же глотка я очутился на земле возле лужи, на меня упал Сашка Чугунов, а через него, задев меня по голове своими сандалиями, перелетел Сашка Стефаненко. Я поднял голову и увидел, что немой дал Витьке пинкаря и побежал на нас, ещё не успевших подняться. Опасаясь ударов ногами, мы быстро вскочили и дружно помчались к бараку вслед за Витькой Чугуновым. Немой Лёня бросился вдогонку. Обогнавший нас Сашка Чугунов споткнулся о тротуар и упал, мы, перепрыгнув через него, понеслись дальше. Что было бы с Сашкой Чугуновым и нами, если бы нас догнал Лёня, сказать трудно. Но в дело снова вмешался Костя Лавренов. Откуда-то появившийся Костя неожиданно бросился на помощь Сашке и, не добежав до него немного, наклонился, показывая бегущему навстречу немому Лёне, что собирается схватить с земли камень. Немой остановился и погрозил Косте, а заодно и всем нам кулаком. Мы, почувствовав в Косте силу и уверенность, стояли в конце барака и смотрели на происходящее. Костя тоже погрозил кулаком немому, потом подошёл, помог подняться Сашке. Немой смотрел на них молча, время от времени поднимая вверх кулак. Преследовать он нас не решился. А мы, отряхнувшись и осмотрев свои ушибы, пошли дальше. Туда, куда шли, — в кино.

Чтобы закончить историю с водоколонкой и немым Лёней, скажу сразу: когда мы после этого случая шли в кино небольшой группой по два-три человека, то, увидев у колонки Лёню, обходили её стороной. Но если нас было человек пять-шесть или с нами был

Костя Лавренов, мы считали делом принципа и чести попить из колонки воды. Если у неё стоял Лёня, то брали в руки камни (или имитировали, что они у нас в руках) и грозно шли на препятствие. Лёня, видя нашу решимость, подкреплённую камнями, от колонки отступал. Мы окружали колонку, стоя наизготовку, и поочерёдно пили воду. Напившись, строем проходили мимо барака и отступающего от нас Лёни и, высоко подняв головы, шествовали к клубу.

Клуб стройучастка номер двадцать один — особая страница моего детства.

Первый в моей жизни кинофильм, первый концерт, первая библиотечная книга — всё это связано именно с этим клубом. А ещё содовая газированная вода, конфеты-леденцы, горячие пончики в дни, когда родители брали нас, детей, с собой на торжественные мероприятия, проходившие в клубе в День строителя и в дни голосования, когда избирали депутатов, — выборы, там работал буфет.

Большое по тем меркам деревянное здание, сложенное из круглых брёвен, с пристроенной к нему из кирпича кинобудкой, стояло в конце улицы Транспортной, в низине. К клубу от улицы, в то время называемой Спортивной, шёл съезд, по которому ходили многие, стараясь сократить расстояние. Но только не мы. Мы шли к крутому спуску, оборудованному двумя деревянными лестницами с перилами. Многим из нас нравилось спускаться по этим лестницам, придерживаясь за перила. Одну и вторую лестницу разделяла площадка, на которой часто перед началом киносеанса толпились мальчишки примерно

десяти-двенадцати лет, выпрашивающие у прохожих деньги на кино.

Их звали «шибарями». Говорили, что они сшибают деньги на кино не потому, что у них не хватает копеек на билет, а потому, что они не хотят тратить свои. Это была ещё одна из причин, почему мы ходили в кино компаниями по несколько человек. И не мы одни. Мальчишки с других улиц тоже приходили к клубу группами по пять-шесть и более человек. «Шибари», как правило, к таким не приставали, а высматривали тех, кто пришёл один или вдвоём.

Всех спускающихся по лестнице приветствовал портрет Владимира Ильича Ленина. Ильич, улыбаясь, пристально смотрел за каждым, кто подходил к клубу. И многие из нас делали там для себя открытие: если даже отойти влево или вправо от портрета, он всё равно будет смотреть на тебя. Взгляд его не отпускал человека, пока тот не прятался от него за дверью клуба.

Мы, ребяташки, не прятались от дедушки Ленина. Приветливо махали и улыбались его взгляду. Если приходили рано, до начала продажи билетов, то не торопились заходить в клуб, а читали написанный большими буквами на доске по другую сторону от двери «Кодекс строителя коммунизма», над которым были нарисованы строители — мужчина и женщина в комбинезонах и с мастерками в руках. Они тоже улыбались и тоже следили за нами, если мы отходили вправо или влево от них.

Входивших в клуб встречал небольшой узкий коридорчик. С левой стороны его было окошечко

кассы, где продавали билеты, а справа у стенки стоял деревянный диван. За всегда открытой дверью этого коридора простирался другой, большой коридор. Если пойти по нему направо, то можно было попасть в фойе и библиотеку, а налево — в зрительный зал, где проходили торжественные собрания строителей, устраивались концерты и показывали кино. Недалеко от входа в зрительный зал, по правую сторону, стоял ещё один деревянный диванчик и бачок с водой. На фоне открытой двери зала и чёрных плотных штор за дверью стояла знакомая каждому юному зрителю (да и взрослому тоже) тётя Ира-контролёр. Возле неё всегда стояли два-три пацана, не имеющие билетов и выпрашивающие тётю Иру пропустить их бесплатно. Они то уговаривали контролёра, то притихали, ожидая, когда тётя Ира отвернётся или отлучится на минуту и они смогут незаметно проскочить в зал.

Мы покупали билеты. На четырёхчасовые сеансы, на которые мы ходили обычно, билетов хватало всем. На них не указывали места, и мы старались купить билеты и пройти раньше, чтобы занять место на первом или втором рядах. Небольшой экран и киноустановка клуба не предназначались для показа широкоформатных кинокартин, но нас это нисколько не волновало. Мы с интересом смотрели и киноальбомы, состоящие из мультипликационных и кукольных фильмов, и фильмы-сказки, и фильмы из жизни наших сверстников. Запомнились с того времени мне увиденные истории про храброго портного, «Чиполино», «Сказка о потерянном времени», «Морозко», «Кощей бессмертный».

После фильма «Иностранка» о приключениях приехавшей из Франции в Одессу русской эмигрантки (в исполнении Рины Зелёной) и её внучки (Людмила Шабанова) некоторые люди почему-то стали мне казаться похожими на героев фильма. Особенно девчонка, жившая в нашем доме то ли в восьмой, то ли в девятой квартире, некоторое время напоминала мне Мадлен, и я одно время был уверен, что это именно она сыграла в фильме одну из главных ролей.

Встречая её в нашем дворе, я пристально смотрел на неё в надежде, что она признается и расскажет мне, как она снималась в кино. Но девчонка эта, поймав на себе мой взгляд, улыбалась и проходила мимо. Её улыбка и молчание ещё больше распаляли моё воображение, и я не сомневался, что это она была в кино Мадлен.

Прошло много-много лет. Фильм «Иностранка», созданный в 1965 году, я иногда пересматриваю, читаю потом биографии актёров и ничего не могу найти про исполнительницу главной роли Людмилу Шабанову.

И я по-прежнему спрашиваю себя: похожа ли актриса на девчонку с нашего двора, ни имени, ни фамилии которой я не запомнил?

ПЕТУШКИ И КУРОЧКИ

Каждое лето, когда мы жили на Шлакоблочной (в конце мая или в начале июня), отец привозил в коробке из инкубатора маленьких жёлтеньких цыплят. Не он один, почти все жители нашего и соседнего домов по весне закупали цыплят. Один цыплёнок стоил пять копеек, и отец всегда привозил десяток. Маленькие цыпушки дней десять жили прямо в коробке, попискивая днём и ночью. Мы с сёстрами и бабушкой кормили их мелко раздробленным зерном и поили водичкой, наливая в алюминиевую чашечку. В середине июня немного подросших цыплят переносили на постоянное место жительства — в сарай. Для этого отец огораживал слева от входа им территорию, настилал опилки. Перед входом в сарай, примерно в полуметре от двери, для цыплят выстраивалась небольшая площадка, которая ограждалась металлической сеткой. Чтобы цыпушки могли выйти на солнышко, для них подпиливали одну из досок сарая. На ночь проход закрывали, загоняя цыплят в сарай, а утром открывали снова. Почти весь день (если стояла хорошая погода) цыплята проводили за сеткой: чирикавая, кудахтая и толкая друг друга, клевали зерно и пили воду.

Почти у всех жителей нашего дома были пристройки к сараю из металлических сеток. Некоторые ещё подстраховывали своих будущих курочек и петушков — сколачивали из штакетника наподобие деревянной клетки, а потом уже ставили

металлические сетки. Это помогало спасать птичек от шныряющих возле ограждений собак и особенно котов и кошек. Цыплята, как правило, были недоступны для хищников, но иногда всё же хитрые кошки как-то умудрялись если не вытащить, то придавить находившегося ближе к сетке цыплёнка. Более других преуспевала в этом пришедшая серая кошка, прозванная в нашем дворе Маруськой. Она подолгу высиживала в засаде, прячась от всех, и, улучив момент, бросалась к огороженному курятнику. А однажды Маруська забралась на крышу сарая и спрыгнула с крыши в открытый сверху соседский курятник. Кошка передала почти всех цыплят, утащила двоих или троих и нескольких покалечила. Переполох привлёк внимание бабушки-соседки, она, подбежав, вспугнула Маруську, но поймать её не смогла. Кошка через сарай по дровам выбралась на крышу и убежала.

После этого случая Маруська не показывалась в нашем дворе всё лето, но в начале сентября несколько ребятшек, идущих утром в школу, снова видели её возле наших сараев.

Большинство курочек и петушков, живших в двух красных сараях, до зимы не доживали. Сарай были летние, и только двое или трое хозяев утеплили их, соорудив дополнительные стены и засыпав пространство между стенок шлаком или опилками. Они держали курей и даже поросят всю зиму. Остальные пускали курей на суп.

Так же поступали и наши родители с нашими подростками за лето и осень курочками. Но вот

зимой с 1966-го на 1967 год подросших цыплят решили сохранить на зиму. Из десяти купленных весной птичек выжили девять, и отец соорудил под столом курятник. Стол стоял в углу кухни, и отцу оставалось только прибить горизонтально к полу и ножкам стола с двух сторон длинные штакетины, а к ним и к самому столу ещё несколько коротких вертикально. Из досок была сколочена и кормушка. В кормушку сыпали пшено и ставили алюминиевую чашку с водой. Когда насыпалось пшено или в чашку наливалась свежая вода, курочки, а за ними и петушки, расталкивая и сбивая друг друга, мчались к кормушке, высовывая головы между штакетинами, и спешно клевали зерно или пили воду, после каждого глотка поднимая высоко вверх свои головки с маленькими красными гребешками.

Самое интересное было то, что, за этим столом мне приходилось делать уроки и, отправляясь утром в школу, завтракать. Когда я садился к столу, самые смелые цыпушки высовывали головы и пытались клевать мне ноги. Клювики то и дело втыкались мне в носки и тапочки. Было скорее щекотно, чем больно. Я быстро сообразил, что делать, — перед тем, как сесть к столу, обувал валенки. Курочки стучали клювом по валенкам. Стук был слышен, но валенки прочно защищали от прокусов. Иногда ранним утром, часов в пять, а то и раньше, задолго до зимнего рассвета, петушки начинали кукарекать — протяжно стараясь вытянуть то ли букву «а», то ли «у», то ли «е»... Получалось что-то вроде

Рисунок Марии Снегирёвой

«а-а-а... у-у-у... е-е-е», а может, и «кукареку», как пишут в книжках.

Курочки под столом жили у нас месяца два — с ноября до Нового года. Перед Новым годом к нам из деревни на лошадке, запряжённой в сани, приехали старшая сестра матери тётя Вера с мужем дядей Андреем. Они забрали шесть курочек и петушка.

Оставшиеся, как я понял, пошли в щи и в суп с вермишелью.

Я помню, как отец разгораживал клетки и отодвигал стол, а бабушка выметала куриный помёт и мыла полы. Потом она ощипывала курочек, складывая перья и пух в небольшую наволочку.

Больше цыплят мы не покупали. Наверное, потому, что в 1967 году переехали в новый пятиэтажный дом, в благоустроенную квартиру на третьем этаже — с водопроводом, ванной и балконом.

ГОСТИ И СТИХИ

Сколько помню себя в детстве, и мои родители, и вся наша большая родня по отцовской и материнской линиям любили шумные компании и часто собирались вместе. Наверное, это оттого, что до войны и сразу после войны семьи были большими, в некоторых — по пять-семь детей. Дети росли вместе, недалеко друг от друга, дружили и дружбу эту сохранили на многие годы, уже став взрослыми.

Собирались в небольшом доме у моего деда с бабушкой на улице Партизанской, у сестры деда бабы Поли на улице Гагарина, где дом был попросторнее и имел два входа-выхода. Собирались и у нас дома по улице Шлакоблочной.

К нам приезжали в разное время тётя Вера с дядей Андреем из ближайшей к Тайшету деревни Серафимовка, тётя Зоя и дядя Паша из Иркутска (с двоюродными моими сёстрами Таней и Ольгой), тётя Галя (с сыновьями Игорем и Олегом) и дядя Коля (с детьми Томкой, Витькой, Серёжкой) из посёлка, называемого Козино, дядя Петя (с женой тётей Катей и детьми Наташкой и Юркой) из города Черемхово.

Собирались у нас по праздникам и для того, чтобы отметить чей-то день рождения. К нам приходили и родной брат отца дядя Игорь, и двоюродный дядя Саша с женой тётей Лилей и детьми Сашкой и Наташкой, многочисленные подруги матери из её бригады штукатуров-маляров. Помню тётю

Настю — молодую женщину, которая говорила со слезами на глазах о том, что у всех есть дети, а ей Бог не дал. Она плакала, а её успокаивали.

И вот в разгар этих шумных встреч-застолья я читал стихи. Вставал на бабушкин сундук и с выражением, размахивая руками, читал про Седьмое ноября, Новый год, про День Советской Армии и Восьмое марта.

Мне хлопали, угощали конфетами. Некоторые из многочисленных моих двоюродных братьев и сестёр вступали со мной в поэтическое соперничество и тоже читали выученные наизусть стихотворения, получая свои призы. Потом мы, дети, на кухне с гордостью показывали друг другу свои призы, полученные после чтения стихов.

Я читал стихотворения большей частью из той самой «Родной речи», что купила мне мать в августе 1964 года. Эта книжка хранилась у нас долго. По ней и по «Букварю» я научился читать. Помню, с каким интересом я, сделав для себя открытие, что умею читать, прочитывал вслух вывески на магазинах: «Промышленные товары», «Хозмаг», «Овощи и фрукты», «Галантерея», «Хлеб». Запомнились мне транспаранты и красные плакаты, развешанные по всему городу осенью 1966 года: «Да здравствует 49-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!», «Слава Октябрю!», «Родине — наш ударный труд!».

Через много лет и несколько десятилетий, вспомнив то время, я напишу о нём вот такое стихотворение:

7 ноября 1966 года

Плачет тётя Настя:
«Нет детей и нет!»
А советской власти —
Сорок девять лет.
Все над ней смеются:
«Что реветь-то зря?»
Праздник революции —
Праздник Октября!
Мальчик восьмилетний,
Я стихи прочту:
«В новой пятилетке
Осуществим мечту!»
Всё и всем понятно,
Надпись с кумача:
«Слава октябрятам —
Внукам Ильича!»
Тётку успокоят:
«Молода, родишь...
Будет сын героем —
Мальчиш-Кибальчиш!»
Сдвинулись фужеры:
«Налито всем там?
Слава пионерам —
Нашим сыновьям!»
Дед мой — самый старший,
Говорит он речь,
Призывает младших
Родину беречь.
«Ярко светит солнце

*Всегда в небе нашем!
Слава комсомольцам —
Коммунистам младшим!»
В доме гостей много —
Вся родня почти...
«Ты ещё, Серёга,
Нам стихи прочти!»
Я читаю страстно
Тёткам и дядьям,
Что флажок наш красный
Не отдам врагам.
И улыбку матери
Вижу. И отца.
«Буду нашей партии
Верным. До конца!»*

Я думаю, что в то время я был счастливым человеком.

ЧЕТВЁРТОЕ НОЯБРЯ 1967 ГОДА

День четвёртого ноября каждого года для меня — продолжение и начало одного бесконечного дня. Вот мне сорок девять... вот тридцать четыре... вот двадцать пять, вот пятнадцать, а кажется, когда я просыпаюсь и смотрю на календарь, там всё то же — четвёртое ноября 1967 года. На улице кружит снежок, жжёт лёгкий морозец...

Мне девять лет, я учусь в третьем классе начальной железнодорожной школы номер сорок пять станции Тайшет и мечтаю стать лётчиком-истребителем. На радость нам, всем ученикам третьего «Б» класса, четвёртого ноября на втором уроке учительница Валентина Александровна раздала табели успеваемости, объявила об окончании первой четверти и отпустила на каникулы до десятого ноября.

«Ура! Ка-ни-ку-лы!!!»

Моя сестрёнка-первоклашка Ольга уже дома и не без удовольствия показывает свой табель отцу и бабушке.

— Ольга у нас ударница! — с гордостью говорит мне бабушка, помогая переодеть носки младшей сестре Лене.

— И я ударник! У меня ни одной тройки нет! — ещё радостнее кричу я, доставая из ранца-портфеля свой табель.

— Ну и молодцы, ударники! — хвалит нас бабушка. — Сейчас вот мать придёт, будем пельмени есть. Утром за ней приходили, вызвали в контору строительства. Наверное, насчёт демонстрации седьмого ноября.

Я с радостью думаю о предстоящей через три дня демонстрации.

За нашей школой закрепили «Аврору» (автомобиль ГАЗ с надстроенными кормой, носом, трубами и даже пушкой), и за ней мы должны идти всей нашей небольшой начальной школой. Мы гордились «Авророй», потому что у других городских школ были только «броневики», но всё же завидовали средней железнодорожной школе, учителя и отличники которой прибывали на митинг к перрону станции на бронепоезде «Варяг», украшенном стягами и красным знаменем. Всё дело было в шефах. Нашу школу опекал ремонтно-механический завод, а среднюю — локомотивное депо. Остальным школам помогали две автобазы и строительный участок. Стройучасток со своими подшефными вообще шёл стройными рядами со стягами и транспарантами, не используя никакой передвижной техники и изображая революционные массы: солдат, матросов, красногвардейцев с красными бантами и лентами.

Пока я показываю отцу свой табель и думаю о предстоящей демонстрации, напротив окон нашей квартиры останавливается грузовик. Мы с сестрой бежим к окну, но добежать до него не успеваем, потому что в дверях появляется сияющая мать, в правой поднятой руке её была связка ключей.

— Нам дали квартиру! Благоустроенную! В новом доме! Переезжаем!

Лицо матери светится от счастья.

— Когда? — спрашивает бабушка, уже стоявшая у плиты и готовая варить пельмени.

— Сегодня! Сейчас! Машину выделили!

— Ура! — кричим мы с Ольгой и прыгаем, прихлопывая в ладоши. — Мы переезжаем в новую квартиру! Ура!

В доме начинается радостная суматоха. Про пельмени забывают. Бабушка и мать достают из шифоньера и шкафов одежду и связывают её в большие узлы. Отец выдвигает на середину стол. Ольга складывает ложки, вилки и ножи в коробку из-под обуви, а я бегу к своей деревянной лошадке. Лошадку на колёсах мне купили на день рождения, когда мне исполнилось четыре года. С тех пор она переживает второй переезд и несколько мест хранения. Бока её были потёрты, одно деревянное колёсико треснуло и уже не крутилось. Мать и бабушка несколько раз хотели выбросить лошадку, но я не давал и хранил её за диваном, на котором спал.

— Сергей, беги за дядей Игорем. Шифоньер без него не погрузим, — говорит мне отец.

— Мою лошадку не забудьте! — напоминаю я, уже одеваясь.

— Да не забудем. Сам ещё её успеешь унести, — успокаивает отец. — Давай побыстрее. Машина ждёт.

А я уже бегу по улице Партизанской к дому второй моей бабушки и деда (папиной маме и папиному папе), где живёт и брат отца — дядя Игорь. Вообще-то я никогда не звал его дядей и обращался к нему по имени.

Игорь, как и отец, работает в пункте технического осмотра вагонов слесарем по ремонту подвижного состава.

Мне повезло: Игорь дома. Ещё издали я вижу, что он отбрасывает снег от ворот, расширяя пешеходную дорожку. Игорь не сразу понимает мою сбивчивую речь и что от него требуется. Я говорю торопливо и эмоционально о нашем срочном переезде.

— Стоп, стоп, стоп! — остановил меня дядька. — Я правильно понял: вы переезжаете и нужна моя помощь?

— Да...

— Хорошо, — кивает Игорь, открывая мне ворота. — Пойдём в дом, мне надо переодеться.

Я первым вбегаю в дом сообщить новость деду с бабушкой.

Бабушка возится возле печки, а дед сидит в комнате за столом с развёрнутой газетой.

— Переезжаете? — спрашивает дед в ответ на моё радостное сообщение, снимая очки и отодвигая от себя газету. — А куда? В каком доме дают квартиру?

От вопроса я замираю на месте, не зная, в какой дом мы переезжаем и на какой улице он расположен. От всплеска радостных чувств после известия о переезде я ни о чём не мог думать, как только о новой квартире, и даже не спросил у матери, где будет наш новый дом.

— Вот так, едешь и не знаешь куда, — говорит, улыбаясь, мне бабушка. — Где теперь искать вас будем?

Дед поднимается из-за стола.

— Пойду и я к вам, пока не уехали в неведомом от нас направлении, узнаю, что и как.

В детстве расстояние от бывшего нашего дома до дома деда мне казалось огромным, но, как известно, по мере взросления человека горизонты раздвигаются, а расстояния сокращаются. Несколько позже, будучи уже старшеклассником, я проходил это расстояние неторопливой походкой за пятнадцать минут.

А в тот день, четвёртого ноября 1967 года, мы с дядей Игорем быстрым шагом дошли от точки «А» до точки «Б» минут за десять.

Круживший с утра и в обед лёгкий снежок перестаёт падать, и чувствуется, что немного потеплело. Возле машины, готовые к погрузке, уже стоят два стола — общий кухонный и наш с сестрой письменный, посудный шкаф-буфет, табуретки и стулья. На столах лежат связанные тюки. Отец с водителем вытаскивают из дома шифоньер. Игорь сразу бросается им помогать.

— Куда едете-то, Николай? — спрашивает он у брата. — А то Серёжка ничего нам не говорит. Скрывает, видно...

— Да на Спортивной дом сдают — пятиэтажный. На углу Гагарина, — объясняет отец. — На третьем этаже жить будем...

— Высоко! — шутит Игорь, улыбаясь.

В пылу и в работе я не сразу замечаю, что такая же машина — грузовик с бортами — стоит у квартиры наших соседей Соколовых и Ирка с младшим братом Колей помогают своим родителям выносить вещи из дома.

Чуть позже с другого торца дома, от квартиры Куликовых, выезжает ещё один грузовик, гружённый мебелью.

Не проходит и полчаса, как почти вся наша мебель, включая диван и разобранные железные кровати, размещается в кузове бортового «газика».

Когда все вещи готовы к перевозке, к дому не спеша подходит дед.

— Давай, батя, в кабину, поедем с нами, квартиру новую посмотришь, — говорит ему отец.

Отец с дядькой забираются в кузов — придерживать шифоньер. Я с лошадкой в руках лезу следом, но отец останавливает:

— Куда? Замёрзнешь здесь. Иди в кабину, если шофёр разрешит.

Раздосадованный, что мне не придётся ехать в кузове, я подхожу к открытой кабине, где рядом с водителем уже сидят дед и мать.

— Ну, что встал? — спрашивает меня водитель. — Залазь уж...

Мать берёт меня на колени, а я на своих коленках пристраиваю лошадку.

— Показывай, Валентина, шофёру, куда ехать! — кричит нам весело из кузова Игорь.

— Да я и сам дорогу знаю! — смеётся шофёр по имени Володя, молодой, примерно лет двадцати пяти, парень. — Я к этому дому и шифер, и цемент всё лето возил.

Бабушка и Ольга провожают нас, стоя у калитки. Они остаются пока с младшей сестрёнкой Леной ждать нашего возвращения.

«Газик» неторопливо едет по улице Терешковой, сворачивает возле поликлиники на улицу Гагарина и привозит нас к новому дому из красного кирпича, гордо возвышающемуся над мрачными чёрными деревянными бараками, построенными три десятка лет назад для спецпереселенцев.

Я думаю о том, что целый год ходил я с друзьями мимо огороженной забором стройки смотреть кино в клуб стройучастка и видел, как росли, поднимались этажи, но не мог и мечтать, что буду жить в этом доме. В первой пятиэтажке в городе! Мы ещё спорили с пацанами, строили догадки, сколько будет этажей. Три? Нет, вот четвёртый начали... Что, ещё

выше? Неужели — пять? А может, больше — шесть или восемь? Но нет — уже крышу делают... Всё-таки — пять.

Наша машина останавливается у второго подъезда. Возле дома у нашего и других подъездов суетятся новосёлы, разгружают и заносят мебель.

Водитель Володя открывает нам задний борт «газика»:

— Ну что, разгружаем?

По решению отца дед остаётся возле машины — охранять наши вещи, а я, пока отец с Игорем при помощи водителя Володи поднимают шифоньер по лестнице, опередив их, забегаю на третий этаж и останавливаюсь возле квартиры с номером двадцать три.

— Я первый найду, я первый! — кричу я матери, идущей за мной следом, подпрыгивая от нетерпения и прижимая к себе лошадку.

Мой восторг усиливается и достигает своего зенита, когда дверь квартиры открывается и я вбегаю сначала в прихожую, потом на кухню, затем, обследовав одну комнату, другую, обнаруживаю небольшую кладовку, соединяющую обе комнаты.

Одно открытие за другим ждут меня в нашей новой квартире.

Батареи водяного отопления, водопроводный кран, ванная, балкон — всё это удивляет, но больше всего поражает титан — чёрный круглый вытянутый бак с маленькой топкой у пола и дымоходной трубой, уходящей в стену, у потолка.

Как я узнаю потом, титан заполняется холодной водой. Его нужно растапливать маленькими

короткими полешками. Когда вода нагревается, можно мыться в ванной или стирать.

Горячую воду в то время в благоустроенные дома нашего города ещё не подводили. Не было в нашем доме и электропечи. Вместо неё несколько лет стояла обыкновенная, привычная нам по старому дому, кирпичная печка, с общими дымоходами со второго по пятый этажи. Она, конечно, давала какое-то тепло, но больше была предназначена не для обогрева квартиры, а для приготовления пищи. Поэтому жители нашего дома запасались дровами и углём.

И ещё одна особенность была у нашего нового дома: первый этаж не предназначался под жилые квартиры. С одного торца располагалась парикмахерская, а с другого — кафетерий, куда мы, дети, часто бегали потом пить соки и газировку, покупали там пирожные и разную выпечку. Любили кафетерий и некоторые взрослые — там продавали вино на розлив. Но бóльшую часть первого этажа всё-таки занимали два магазина — продуктовый и промтоварный, а также ателье мод под названием «Элегант». В ателье был большой пошивочный цех, и позже почти все подростки нашего дома ходили с родителями заказывать себе модные по тем временам брюки клёш.

Но это было позже, через два или даже три года, когда все жители нашего дома уже знали друг друга по именам и фамилиям. Знали, кто в какой квартире, на каком этаже и в каком подъезде живёт. Кто где и кем работает. Много потом случилось разных историй с жителями нашей пятиэтажки — весёлых и грустных, печальных и даже скорбных, но всё это было потом, а

тогда, в день четвёртого ноября 1967 года, в день, запомнившийся мне на всю жизнь, я был счастлив.

В тот день мы переехали в новый дом, в новую благоустроенную квартиру. Перевезли и перенесли всё наше имущество из квартиры старой. Поставили шифоньер, диван, столы, собрали во второй комнате — спальне — большую бабушкину кровать. Целый день все мы были на ногах, но никто не чувствовал усталости. Отец к тому же ещё пошёл вечером на работу — во вторую смену, а мы с матерью, бабушкой и сёстрами раскладывали вещи и расставляли посуду на полки и в шкафы. Все вещи за один день разобрать не смогли, и несколько тюков так и остались неразвязанными.

Уже ближе к полуночи бабушка с младшей сестрой Леной пошли спать на большую кровать. Мать расстелила два матраса на полу и легла с сестрой Ольгой в зале, недалеко от батареи и неразвязанных тюков. Я хотел тоже пристроиться спать на полу, но мать отправила меня на неразборный диван с валиками, на котором я спал в старой квартире и который считался моим.

Я долго не мог уснуть. Чувство восторга всё клокотало и клокотало во мне. В предчувствии нового и хорошего будущего я, наконец, заснул абсолютно счастливым и видел во сне синее небо и белые облака, наш новый дом и себя за штурвалом самолёта.

Ощущение счастья и предчувствие хорошего продолжались у меня и всех нас и на второй день, и на третий, и в день седьмого ноября, когда мы шли по заснеженным улицам города за крейсером «Аврора» и кричали «Ура!» приветствующим нас «красногвардейцам» и «красноармейцам». Мы кричали «Ура!» и

«Да здравствует пятидесятилетняя годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!» прибывающему к первому пути вокзала бронепоезду «Варяг».

Город тонул в красных стягах и транспарантах. Несмотря на морозец, по улицам ходили улыбающиеся, счастливые люди и поздравляли друг друга с праздником.

Это было много ноябрей назад. Мне было тогда девять лет, моей матери — двадцать девять, отцу — сорок два года, деду в тот год исполнилось семьдесят лет, а дяде Игорю — двадцать восемь.

Красноярск, 2017–2022

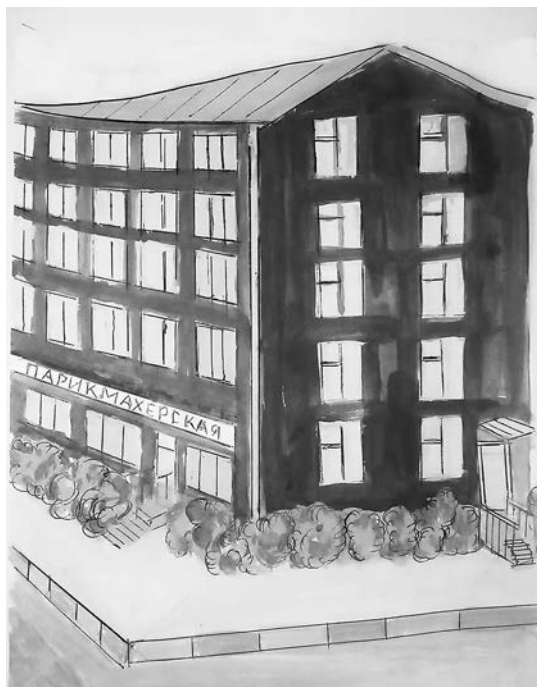

Рисунок Марии Снегирёвой

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ш. Богатырёва. Родное слово Сергея Кузичкина.....</i>	<i>3</i>
ЗВОНКИ ИЗ ДЕТСТВА.....	7
ВДОЛЬ ПО УЛИЦЕ.....	8
НА ТРИНАДЦАТЬ СЕМЕЙ.....	13
КВАРТИРА НОМЕР ДВЕНАДЦАТЬ.....	17
«ЗВЕЗДА НА ЛБУ! ЗВЕЗДА ВО ЛБУ!».....	30
ЛИСОФЬЮРА И ДРУГИЕ СОСЕДИ.....	32
СКВОРЕЧНИК БРАТЬЕВ ЧУГУНОВЫХ.....	35
ПЛАНЕТА ПЕТУХА ПЕТИ.....	40
ТЕРРИТОРИЯ ИНДЮКА ИГОРЯ.....	44
ПТИЧКА-СИНИЧКА.....	46
«РОДНАЯ РЕЧЬ», «БУКВАРЬ» И «КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ»....	48
В ШКОЛУ!.....	54
КАК Я БЫЛ КОТОМ В САПОГАХ.....	60
ФИЛЬМОСКОП.....	65
ВАГОНЕТКА.....	70
ТРАМПЛИН.....	73
ВАГОН.....	89
ЛЕТНЯЯ КУХНЯ.....	94
ЛОШАДКА ИЗ ДЕРЕВНИ.....	99
ЗАМОРОЖЕННОЕ МОЛОКО.....	102
РИСУНКИ ДЕДА МОРОЗА.....	105
САДОВОДЫ-ОГОРОДНИКИ.....	108
СОРОК ОДИН, СОРОК СЕМЬ И СОРОК ВОСЕМЬ.....	112
ПРОБОЧНЫЙ БУМ.....	117
ПОХОДЫ В КИНО.....	121
ПЕТУШКИ И КУРОЧКИ.....	128
ГОСТИ И СТИХИ.....	133
ЧЕТВЁРТОЕ НОЯБРЯ 1967 ГОДА.....	137

АЛЬМАНАХ ПРОЗЫ, ПОЭЗИИ, ПУБЛИЦИСТИКИ

**Сергузовский
Литератур**
Красноярск

660048, Россия, Красноярск, ул. Калинина, 12-523.
тел. 8(391)296-38-93.
e - mail: sergkuz58@mail.ru

Литературно-художественное издание

Кузичкин Сергей Николаевич

ДОМ НА ШЛАКОБЛОЧНОЙ

Рассказы для детей и взрослых

Сдано в набор 21.02.2022 года. Подписано в печать 4.03.2022 года.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,77.

Тираж 300 экз. Заказ № 233.

Отпечатано в типографии «Город» (ИП Михайлова И. Г.)

г. Красноярск, ул. Маерчака, 109Н